

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ОПИСАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ	13

АВТОБИОГРАФИЯ В МОНОЛОГАХ И ДИАЛОГАХ

Часть первая. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ	21
1. Витебск, семья	21
2. Эвакуация	27
3. Фронт	30
4. Гродно, Пединститут	34
Часть вторая. В НАУКУ И В КУЛЬТУРНУЮ СТОЛИЦУ	40
5. Учеба в Ленинграде	40
6. Учитель	65
7. Дипломная работа	70
8. Археология или учительство?	73
9. Вхождение в науку	86
Часть третья. АРХЕОЛОГ В УНИВЕРСИТЕТЕ	89
10. Аспирантские годы	89
11. Начало работы в Университете	101
12. Катакомбы и диссертация	113
13. Золото и серебро первого века	118
14. Варяжская баталия	135
15. Индоарии	147
16. Триполье и бронзовый век	150
Часть четвертая. ПРЕОДОЛЕНИЕ РУБЕЖЕЙ	154
17. Через железный занавес	154
18. Загадки археологии	159
19. Несостоявшаяся женитьба	160
20. Поездка в ГДР	175
21. Шлиман и киммерийский мрак	180
22. Лев с лопатой	186
23. Опасные люди	201
24. Шведский рационализм	207
25. Теория	211
26. От Брюсова к Косинне, от Гумилева к Бромлею	235
27. Миграции	242
28. Новая Археология	257
29. Панорамы	260
Часть пятая. ИСКУШЕНИЯ	265
30. Музыкальная история	265
31. Коллеги	267

32. Жильцы	274
33. Источники	279
34. Преистория	293
35. К осмыслению феномена	296
36. Марксизм	300
37. Типология	311
Часть шестая. ИСПЫТАНИЕ	322
38. Арест	322
39. «Кресты»	333
40. Следствие и суд	341
41. Зона	364
42. Осмысление: дикарь внутри и культура	381
43. Первые годы на свободе	398
Часть седьмая. НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ	421
44. Троянская война	421
45. Голубая трилогия	432
46. Перун	449
47. Обезд запредельного мира	453
48. Возобновление теоретической работы	495
49. Возвращение в Университет	510
50. Дамир	519
51. История науки	540
52. Споры о религии	549
53. Проблема старения и планы	565
Часть восьмая. ИТОГИ	576
54. Перспективы страны и археологии	576
55. Школа	580
56. Этика археолога	589
57. Мемуары и научный фольклор	603
58. Трудно быть богом?	612

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ЗАПОВЕДИ	625
II. СТИГ ВЕЛИНДЕР. ЧЕТЫРЕ ЗАПОВЕДИ ДЛЯ КОНФЕРЕНЦИЙ ПО ТЕОРИИ ...	628
III. АФОРИЗМЫ О НАУКЕ	630
IV. РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ	632
V. ДИАГНОЗ	650
БИБЛИОГРАФИЯ	670
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	680
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	690

Введение

Беседа издателя с автором

Автор: *Лев Самуилович Клейн, археолог, антрополог и филолог, профессор, доктор исторических наук, автор 11 монографий (с переводами и переизданиями — более двух десятков книг) и св. 350 статей.*

Издатель: *Сергей Ефроимович Эрлих, глава издательства «Нестор-История», историк, сам автор ряда статей и книг «Россия колдунов» и «История мифа» (обе СПб.: «Алетейя», 2006). В Петербург прибыл из Молдавии в 1991 г. Издательство основано в Молдавии, затем переведено в Петербург. Сейчас это издательство выпускает журнал «Нестор» и книги по отечественной истории.*

Беседа состоялась в Санкт-Петербурге поздней осенью 2005 г. в квартире Л. С. Клейна на Васильевском острове.

Изд. *Лев Самуилович, вот уже больше десяти лет я уговариваю Вас приступить к написанию мемуаров.*

Л.К. *И вот уже больше десяти лет я отказываюсь.*

Изд. *А между тем, напрасно. Вам уже под восемьдесят — сколько можно откладывать? Мы сейчас издали воспоминания Ганелина, Егорова. Мы хорошо издадим Вашу книгу мемуаров, а в споре сомневаться не приходится. Ваша жизнь полна драматизма — как хороший роман, даже детектив. У Вас было всё, что положено российскому интеллигенту XX века, и отпущено было с лихвой — фронт, университет, тюрьма, лагерь, лишение степеней и званий, семь лет безработным...*

Л.К. *Ну, мало ли в России было прошедших всё это...*

Изд. *Да, немало, но дальше всё шло уже не по типичному сценарию: успех Ваших книг, чемоданы писем от читателей, признание Ваших открытий, мировая слава, восстановление степеней и званий...*

Л.К. *Ошибаетесь: не восстановление — я защитил новую диссертацию и получил с белого листа докторскую степень, а затем был избран профессором другой кафедры; только недавно стал снова преподавать на своей родной кафедре.*

Изд. *Ну, вот видите — чем не роман? Но привлекательность Ваших мемуаров была бы не только в этом. Вы близко знаете интереснейших людей. В детстве дружили с Роланом Быковым, задолго до того, как он стал знаменитым актером и режиссером, в юности — с Василем Быковым, замечательным писателем — они что, родственники?*

Введение

Л.К. Нет, просто однофамильцы. Ролка Быков был на класс младше меня, и позже связь утратилась, дороги разошлись, а с Василём — это уже в Гродно, в учительские годы, он был старше меня, но дружил он в основном с моим младшим братом. Но и у меня связь с ним поддерживалась до недавнего времени. Он писал мне из Белоруссии незадолго до отъезда в эмиграцию, причем писал под чужой фамилией и с ложным обратным адресом. Боялся слежки.

Изд. *Затем интересные люди всё время были рядом с Вами. Много лет Вы были в приятельских отношениях со Львом Гумилевым, вместе работали в экспедиции. Мировое светило филологии Владимир Пропп был вашим учителем.*

Л.К. Это верно, у меня хранятся его письма.

Изд. *Другим учителем был директор Эрмитажа профессор Артамонов — общий для Вас и для Гумилева — для двух Львов. Среди ваших учителей и последующий директор Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский. Да и вообще, коль скоро Вы учились и потом 20 лет работали в Ленинградском университете, ясно, что рядом были крупнейшие фигуры отечественной науки. Но и иностранцы Вас не обделяли вниманием. Вы рассказывали, что еще в советское время прославленный норвежец Тур Хейердал приезжал к Вам в экспедицию на раскопки донских курганов.*

Л.К. С половиной своей команды «Ра».

Изд. *Это когда Вам посчастливилось раскопать царский курган I века н. э. с массой серебра и золота?*

Л.К. Нет, много позже. Раскопки эти шли на окраине Новочеркасска во время Новочеркасского восстания и расстрела 1962 г. ...

Изд. *Господи, и тут вы оказались в горячей точке!*

Л.К. ... а Тур был у меня в 1969. Он хотел посмотреть, как выглядели общие предки индоевропейцев. Тогда была популярна теория Марии Гимбутас, что ямная культура — это они и есть, а у меня в курганах ямные погребения были представлены в лучшем виде — в глубоких могилах, хорошо сохранившиеся крупные костяки, посыпанные красной охрой. ...

Изд. *Но Вы и сами...*

Л.К. Вы хотите сказать, что я и сам — как костяк, посыпанный охрой, хорошо сохранился? Только я не крупный костяк и...

Изд. *Нет, я хотел сказать, что привлекательность Ваших мемуаров была бы не только в событиях, которые Вы наблюдали, или в людях, с которыми общались. Для читателя Вы сами как личность были бы главным фокусом интереса. Ведь когда Вы были в Кембридже, на вашу лекцию съехались археологи со всей Англии, это Вам в Кембридже глава колледжа Питерхаус (старейшего из колледжей Кембриджского университета) давал торжественный прием...*

Л.К. Это было не совсем так. Просто там учредили торжественные памятные чтения в честь рано умершего Дэвида Кларка, знаменитого теоретика.

Введение

Раз в два года приглашался известный ученый прочесть лекцию, на которую и съезжались. Просто я был избран для чтения первой такой лекции. А прием был памяти Кларка, я же сидел на почетном месте как исполнитель памятного действия.

Изд. Но прочесть-то первую лекцию избраны были Вы. А когда Вы приехали в Швецию, то в Стокгольм на встречу с Вами съехались заведующие кафедрами археологии со всей Швеции. И объявлено было это мероприятие как встреча с «легендарным археологом Европы». Об этом можно прочесть в шведском археологическом журнале («Каррент Суэдиш Аркеолоджи»). Когда вы прибыли в Испанию, испанский археологический журнал «Ревиста ди аркеолохиа» причислил Вас к «крупнейшим археологам мира». Чехи назвали вас «гроссмейстером диалектического метода». Крупнейший британский археолог Колин Ренфру лорд Кеймсторн сказал, что вы – один из тех «нескольких археологов Европы, которые способны принять интеллектуальный вызов Америки». Вы преподавали или выступали с докладами в 11 университетах Англии, в 5 испанских, в 4 шведских, в 2 норвежских, в 2 датских, в Западном Берлине, Финляндии, Словении, США (университет Вашингтона).

Л.К. Только университет Вашингтона — это не в Вашингтоне, а в Сизтле. Я там преподавал весь учебный год 2000/2001.

Изд. Конечно, наша Молдавия не сравнится с такими центрами, но я помню, как у нас в Высшей Антропологической Школе Вам вручали диплом почетного доктора, облачали Вас в черную мантию с белым жабо... Ведь почти все наши руководители археологии Молдавии — Ваши ученики.

На родине у Вас долго не было признания. Но теперь уже Вас признают и на родине. Ваша первая книжка («Археологические источники» 1978 г.) переиздана в серии «Классика археологии» (это год 1995). А вот почитаем, что пишут о Вас Ваши ученики в сборнике, который Петербургский университет выпустил только что в Вашу честь. Сборник (2004 г.) называется «Археолог: детектив и мыслитель». Тут черным по белому написано, что эпитеты «крупнейший» и «выдающийся» к Вам не подходят, потому что Вы — «великий ученый». И называть Вас нужно только так. А в Интернете при Вашем имени я встретил эпитет «бог археологии».

Л.К. Ну, мало ли чего напишут! Ничего, встретите и прогивоположные эпитеты. В печати была и просто брань. Причем, что любопытно, не от моих противников, и вообще не от археологов, а...

Изд. От завистников, которых у нас пруд пруди. Но что Вы — величина в науке, никто не станет отрицать. Однако это налагает на Вас и некоторые обязательства. Вашу жизнь нужно осветить. И ее будут освещать, но нужно же дать Вашим биографам, и не только им, путеводные нити. Есть вещи, которые помните только Вы, знаете лучше всех только Вы. Вспомните, как много информации сами Вы получаете от мемуаров крупнейших археологов. Недавно изданы мемуары Иностранцева, Кондакова, Пиотровского. Я уж не

Введение

говору о западных — Флиндерс Питри, Крофорд, Мэллоуэн, Дэниел... Как видите, я хорошо подготовился к этой беседе.

Л.К. Признаю. Но и Вы должны признать резонность моих аргументов.

Изд. Для отказа?

Л.К. Для отказа.

Изд. Слушаю.

Л.К. Для работы над мемуарами нужно свободное время и обстановка спокойного раздумья. Обычно пишут мемуары те, кто вышел из активной научной деятельности. А я не вышел. У меня именно сейчас — самый творческий период. По одной — две монографии выходит у меня в год. Это не считая довольно больших статей — по полдюжины — дюжине в год. Так получилось, что в советское время издавать книги мне было почти невозможно, и я писал «в стол». Кроме того, многое я рассеивал по небольшим статьям — теперь это надо собрать в книги, потому что к ним совсем другое отношение. А многие идеи просто не ложились на бумагу, но в голове роились, и материал по ним накапливался. Вот теперь и старые рукописи нужно издавать, но при этом, конечно, перерабатывать, осовременивать, и новые книги создавать — разрабатывать созревшие идеи. Жизнь, к сожалению, подходит к концу, а так много еще остается невыполненных задумок! Так много заготовок! Мою биографию напишут и без меня, возможно, даже более объективно, а вот из моих исследовательских планов есть немало таких, которые, я это понимаю, не сможет сделать никто, кроме меня, — по крайней мере, в обозримом будущем.

Вот я сейчас заканчиваю историю мировой археологической мысли. Я точно знаю, что ее никто, кроме меня, в России сейчас написать не сможет. Она первая за всю историю. Не было в России такой книги, ни до революции, ни после. И сейчас не было бы, если бы я не сделал. Вот я ее и делаю. И всякий раз, когда появляется искушение изложить на бумаге какую-то часть пережитого...

Изд. Значит, всё-таки появляется такое искушение!

Л.К. Не скрою, появляется. Но всякий раз, как появляется, я сразу вспоминаю, сколько еще есть более важных работ, которые мне нужно сделать непременно!

Изд. Но ведь вы уступаете этому искушению, когда рассказываете студентам об археологах, которых они уже не застали, о событиях истории науки, в которых Вы участвовали, и студенты с горящими глазами делятся своими впечатлениями об этих беседах — о том, как Вы живо, красочно, остроумно передаете им атмосферу былого. Им предстает сама история!

Л.К. Некоторые беседы они даже записали на диктофоны.

Изд. Ну, вот видите, уже есть какие-то записи!

Л.К. Так записей таких немало. Сколько у меня взяли интервью газеты и журналы, в том числе очень солидные западные журналы — там интервью пространные! Всё это напечатано. Зачем мемуары? Кроме того, в моих книгах есть автобиографические пассажи и целые разделы этого рода. Одна книга, «Пере-

Введение

вернутый мир», о моих лагерных приключениях, почти вся носит автобиографический характер.

Изд. *Ну видите, сколько есть заготовок. Писать будет нетрудно.*

Л.К. Нет, я знаю, что такое писать книгу. Это всегда очень трудно, нужно большое напряжение и отстранение от всякого другого крупного труда. Так что писать мемуары я не стану. А то, что Вы называете заготовками для мемуаров, это ведь были отдельные воспоминания. Ну, если хотите, соберите их и издайте.

Изд. *А что, это идея! Монологи, диалоги, полемика... Тут есть свой шарм. Я берусь издать такую книгу.*

Л.К. Я думаю, те, кто брали интервью (тут же есть и их авторство), возражать не будут. Студенты отдадут свои записи, а из книг нетрудно выбрать автобиографические разделы. Вот комментарии к ним, уточнения, выверку, даже дополнения — это я могу обещать.

Изд. *Серьезно? Тогда по рукам.*

* * *

По прошествии нескольких дней беседа имела телефонное продолжение.

Л.К. Сергей, я просмотрел все интервью. Неожиданно для себя увидел, что там очень много повторов. Часто интервьюеры задавали одни и те же вопросы (скажем, о семье, о преследованиях властей и т. п.), да и я нередко на разных языках и в разных обстоятельствах рассказывал одно и то же, выдвигал одни и те же возражения против модных теорий. Конечно, были и существенные различия, но повторов всё-таки слишком много.

Изд. *Какой вы видите выход? Не хотелось бы терять возможность публикации.*

Л.К. Помещать все эти интервью встык одно за другим не имеет смысла. Даже если разбавить их разными комментариями, повторы никуда не денутся.

Изд. *Может быть, вырезать их?*

Л.К. Вырезать их было бы неплохо, но это могут не позволить соавторы (интервьюеры): разрушится смысл и структура интервью. Я предлагаю радикальное решение: дать вначале описание всех интервью и вообще всех используемых источников, а затем использовать из них только большие выдержки, разумеется, только неповторяемые или самые полные, которые и разместить в хронологическом порядке, по этапам биографии, перемежая с другими источниками.

Изд. *Отлично. Это и будет нечто вроде мемуаров.*

Л.К. Только это будут диалогические мемуары, по крайней мере, частично. Почти допросные.

Изд. *Скорее, анкетные.*

Л.К. Анкета не предполагает пристрастия, а допрос предполагает.

Изд. *Всякий допрос? И допрос-интервью?*

Л.К. В таких диалогах всякий вопрос задается с пристрастием.

Введение

Изд. *Если в вопросах предполагается пристрастие, то что в ответах?*

Л.К. Страсть. Это же вопросы и ответы о моей жизни. Я же рассказываю об археологии и о себе. О времени и о себе. Как я это видел, как я это помню.

Из интервью шведскому археологическому журналу (ред. Матс Бюстрём), 1992

М.Б. *На днях у Вас была встреча с группой виднейших шведских археологов, включая генерального директора Центрального Совета по Национальным Древностям (швед. Риксантиквариат) и глав университетских кафедр археологии. В приветственной речи Вы были представлены как один из международно-известных легендарных археологов. Что бы вы могли сказать об этом легендарном статусе?*

Л.К. Провокационный вопрос. Услышать о столь высокой оценке, провозглашенной столь авторитетным собранием профессионалов, — это может потрясти любого. И заставить возгордиться. Но попытаемся понять эти слова в их точном, узком значении. Если быть «легендарным» просто означает быть человеком, о котором много говорят, но которого большей частью говорящие не видели, то слова можно признать верными, потому что в течение ряда десятилетий я был невыездным — мне не позволяли выезжать за рубеж.

Если, однако, «легендарный» надо понимать как «славный» или «знаменитый», то я должен подчеркнуть, что Швеция имеет ряд совершенно исключительных археологов, считающихся легендарными в России.

Описание использованных материалов

А. Журнальные интервью

1. Лев С. Клейн. Интервью (1990), словенскому журналу «*Arheo*» (Любляна). Интервьюировала профессор-археолог Биба Тержан в 1990 г. в Западном Берлине, беседа на немецком языке, опубликована на словенском в 1992.

Lev S. Klejn. Intervju. — *Arheo* (Ljubljana), 15, 1992, s. 52–56 (prof. Biba Terzan).

2. Жизнь и археология в Санкт-Петербурге (1991), мексиканскому журналу «*Археология*», интервью брал археолог Юрген Брюггеман в 1991 г. Беседа шла на немецком языке в Петербурге дома у Л. С. Клейна, интервью опубликовано на испанском. Тема — главным образом состояние и положение археологии в современной России. Были также вопросы о течениях в современной русской археологии и о публикациях К. на разных языках.

Brüeggemann J. K. 1991. Vida y arqueología en San Petersburgo (entrevista). — *Arqueología* (Mexico) 5, enero — junio: 129–132.

3. «В каждом археологе есть нечто от теоретика». Интервью со Львом Клейном (1992) — испанскому журналу «*Трабахос де преистория*» («*Труды по преистории*»), спрашивали испанские археологи Гонзало Руис Сапатеро и Хуан-Мануэль Висент Гарсия. Беседа шла на английском в январе 1992 г. в Мадриде, опубл. на испанском.

Todo arqueólogo tiene algo de teórico... Una entrevista con Leo S. Klejn. — *Trabajos de Prehistoria* (Madrid), vol. 49, 1992, p. 11–25

4. Разговор со Львом Клейном (интервью 1992) — мадридскому журналу «*Ревиста де археолохия*», беседовали археологи Мария-Изабелла (Марибель) Мартиньес Наваррете и Хуан-Мануэль Висент Гарсия. Беседа проходила в Мадриде на английском, опубл. на испанском.

Una conversación con Leo Klejn (entrevista). — *Revista de arqueología* (Madrid), año XII, No. 133, 1992, p. 7–9

5. Башня слоновой кости в археологии? Беседа с Клейном (1992) — шведскому журналу «*Каррент Суэдиш Археолоджи*», интервью брал редактор археолог Матс Бюстрём. Беседа шла на английском в Стокгольме осенью 1992 г. за ланчем, напечат. на шведском в 1994 г.

Burström M. (the Editor). An ivory-tower in archaeology? A conversation with Leo S. Klejn. — *Current Swedish Archaeology* (Stockholm), vol. 2, 1994, p. 7–12.

6. Испытывая пределы (1992) — «Европейскому археологическому журналу», редактор профессор Кристиан Кристиансен, Дания. Беседа проходила дома у Кристиансена в Копенгагене на английском и немецком языках в 1992 г., опубл.

Описание использованных материалов

на английском в 1993. Пространное интервью, название которого отражает ту мысль, что Клейн всё время ходил по краю дозволенного.

Exploring the limits: an interview with Leo Klejn (led by Dr. K. Kristiansen, the Editor). — *Journal of European Archaeology* (Glasgow), vol. I, 1993, no. 1, p. 184–194.

7. Разговоры со Львом Клейном (1993) — помещены в международном журнале «*Каррент Антрополоджи*» (Чикаго), разговоры вел английский профессор Тимоти Тэйлор в 1993 г. в Дареме (Англия), опублик. в 1994. Это пространное интервью, продолжавшееся несколько дней и затрагивающее многие аспекты.

Taylor T. Conversations with Leo Klejn. — *Current Anthropology* (Chicago), vol. 34, 1994, no. 5, p. 723–735.

8. «Стратиграфия жизни» (2003) — кембриджскому журналу «*Археолоджикал Дайалогз*» («*Археологические диалоги*»), интервью взял финский археолог Виса Иммонен в 2003 г. Знакомство состоялось в 1998 г. в Турку (Финляндия), где Виса Иммонен слушал лекции Л. С. Клейна. Затем некоторое время шла переписка по электронной почте, возникла идея интервью, обсуждались вопросы для него, а в марте 2003 г. В. Иммонен приехал в Санкт-Петербург для личной беседы. Интервью шло на английском языке, напечатано в том же году. Очень пространное интервью затрагивает вопросы о Проппе и русском формализме, о марксизме, Новой Археологии и герменевтике, о современном положении в археологии, этических проблемах археологии, Гомере, гомосексуальности и т. д.

Immonen V. The stratigraphy of a life. An archaeological dialogue with Leo Klejn. — *Archaeological dialogues* (Cambridge), 10, no. 1: 57–75.

9. «Гей — не гей, а будь мужчиной» (2004) — московскому журналу секс-меньшинств «*Квир*», 2004. Интервью взял корреспондент Владимир Громов. Текст был заметно сокращен, название, предложенное Л. С. Клейном слегка видоизменено (стилистика), здесь в цитатах восстановлен полный текст, но восстановленные части взяты в квадратные скобки.

«Гей или не гей, будь мужчиной». [Интервью с Л. С. Клейном] Беседовал В. Громов. — *Квир*, 2004, 4 (9): 46–49.

Б. Газетные интервью

10. Археология и рок... (1991) — газете «*Ленинградский университет*», брал интервью корреспондент Александр Арешин в здании Ленинградского университета.

Археология и рок... — *Ленинградский Университет* (газета), 1991, № 2 (3267), с. 6–7 (интервьюировал А. Арешин).

11. Знарок тюремной социологии (1996) — интервью будапештскому еженедельнику «*168 ora*» брала венгерская журналистка Анна Варга, знающая русский язык. Беседа состоялась в Будапеште. Напечатано интервью по-венгерски в номере за 13 августа.

A börtöntudos (Lev Klein, Varga Anna beszélgett). — *168 ora*, evfolyam 32, 1996, VIII: 34–35.

Описание использованных материалов

12. Троянская война — вымысел (1997) — «Санкт-Петербургским ведомостям», интервью взял корреспондент Владимир Хозиков, в Санкт-Петербурге, дома у Л. С. Клейна.

Влад. Хозиков. Троянская война — вымысел. [Интервью с проф. Л. С. Клейном]. — *Санкт-Петербургские ведомости*, № 241 (1666), 26 декабря 1997, с. 1, 5.

13. В защиту свободной мысли — датской газете «*Berlingske tidende — универс*», беседу провела копенгагенская журналистка Мириам Катц, беседа состоялась в Копенгагене, в комнате, снимавшейся Клейном, и шла на английском языке. Напечатана на датском.

Katz Miriam. Til forsvar for den frie tanke. — *Berlingske Tidende*, 4. sektion, tirsdag 8. december 1998, s. 2–3.

В. Ненапечатанные интервью

14. Зарождение Европейского университета — интервью аспирантке Европейского Университета Оксане Жиронкиной. Ответы на некоторые из ее вопросов 10 мая 2005 г. Интервью взято с целью написания истории Европейского университета.

Г. Переписка с коллегами и друзьями

Адресаты и респонденты Л. С. Клейна

Адамс У. — 1980 г. (англ. яз.)	Мего В. — 1982 г. (англ. яз.)
Александрова М. А. — 1994 г.	Окладников А. П. — 1978 г.
Беренс Г. — 1976–78 гг. (нем. яз.)	Першиц А. И. — 1978–84 гг.
Буровский А. — 2005 г.	Пиотровский Б. Б. — 1978 г.
Быков В. — 1997 г.	Плетнева С. А. — 1978 г.
Вернер И. — 1980, 1990 гг. (нем. яз.)	Пропп В. Я. — 1947 г.
Гахман Р. — 1975, 1978 гг. (нем. яз.)	Редколлегия СА — 1978 г.
Генинг В. Ф. — 1991 г.	Смирнова Г. И. — 1982 г.
Гибадуллин-Клейн Д. — 2000–01 гг.	Соловьева Г. Ф. (ИА в Москве) — 1967 г.
Гуанчжи Чжан — 1977 г. (англ. яз.)	Триггер Б. — 1976–2005 гг. (англ. яз.)
Гуревич А. Я. — 1976 г.	Федоров-Давыдов Г. А. — 1975, 1976 гг.
Дуденков В. Н. — 2003–04 гг.	Формозов А. А. — 1953–2006 гг.
Егер С. — 1983 г.	Функ Б. — 1990–95 гг. (рус. и нем. яз.)
Ёсинг Г. — 1977, 1978 гг. (англ. яз.)	Хэнзель Б. — 1993 г. (нем. яз.)
Захарук Ю. Н. — 1971–79 гг.	Шер Я. А. — 2002 г.
Каменецкий И. С. — 1970, 1971 гг.	Шлетте Ф. — 1967 г. (нем. яз.)
Кларк Д. — 1974 г. (англ. яз.)	Шнапп А. — 1989–91 гг. (началась с 1977 г.) (нем. яз.)
Коршунков В. — 1995–2004 гг.	Штрам Кр. — 1976 г. (нем. яз.)
Лесник Б. — 1999 г. (англ. яз.)	
Лынша В. — 2006 г.	

Описание использованных материалов

Использованная переписка других лиц

- Вале Э. — Беренсу Г. — 1973 г. (нем. яз.)
Гибадуллин-Клейн Д. — работодателю — 2004 г.
Гибадуллин-Клейн Д. — Синдбэк Х. — 1999 г. (англ. яз.)
Никольский Б. Н. — Стреминскому И. И. — 1989 г.
Триггер Б. — Лебедеву Г. — 1982 г. (англ. яз.)
Янкун Г. — Беренсу Г. — 1979 г. (нем. яз.)

Д. Использованные книги и статьи Л. С. Клейна

1. Археологическая типология. Ленинград, издат.: Академия наук СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологич. научно-исследоват. объединение, 1991, 448 с. [*наиболее полное издание книги, впервые изданной в Оксфорде на английском в 1982 г., а затем в Любляне на словенском в 1988 г.*]
2. Перевернутый мир. Санкт-Петербург, Фарн, 1993, 224 с. (под псевдонимом Лев Самойлов). [*полное и переработанное издание книги, впервые изданной в Берлине в 1991 г., а до того на русском в качестве журнального варианта — в 1988–91 гг.*]
3. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург, Фарн, 1993, 128 с. + 12 с. фотоилл. [основой книги послужила статья «*Достижения и проблемы советской археологии*», вышедшая (под совместным авторством с В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым) на английском языке в журнале «*World Archaeology*» в 1982 г.]
4. It's difficult to be a god (Yoffee and Sherratt's Archaeological theory: Who sets the agenda?). — *Current Anthropology*, vol. 34, 1993, no. 4, p. 508–511.
5. Российская археология на переломе. — *Церковная археология* (Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года). Часть 3. Памятники церковной археологии России. Санкт-Петербург — Псков, 1995, с. 86–105 [повторение мадридского доклада 1992 г., напечатанного в 1994 г.] (На обор. титульн. листа: Археологические изыскания [ИИМК], вып. 26, ч. 3).
6. Археологические источники. Второе, дополненное изд. Санкт-Петербург, Фарн, 1995, 350 с. (в серии: Классика археологии). [Первое издание вышло в 1978 г. в издательстве Ленинградского университета. Это была первая книга Л. С. Клейна.]
7. On archaeology theory: Who's who in setting the agenda? — *Current Anthropology* (Chicago), vol. 37, 1996, no. 2, p. 366–348.
8. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Berlin, Peter Lang, 1997 — перевод книги, приведенной здесь в списке под № 3, на немецкий.
9. Заповеди участникам археологического семинара Л. С. Клейна (годы чеканки 1964–1995). — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 1999, № 3: 389.

Описание использованных материалов

10. Генрих Шлиман в Петербурге. — *Шлиман, Петербург, Троя*. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 19 июня — 18 октября 1998 года. Санкт-Петербург, Славия, 1998: 8–15.
11. Миграция: археологические признаки. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 1999, № 1: 52–71.
12. Критический комментарий Л. С. Клейна к заповедям С. Велиндера. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 1999, № 3: 390.
13. Афоризмы о науке. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 1999, № 3: 391.
14. Каталог кораблей: Структура и стратиграфия. — *Stratum plus* (Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса), 2000, 3: 17–51.
15. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. С.-Петербург, Бельведер, 2004, 472 с. [Несколько расширенное издание книги, вышедшей в 2003 г. на английском языке под названием «*Metaarchaeology*» в Копенгагене. Книга представляет собой в значительной части соединение и переработку ряда статей по теории, вышедших в 70-е — 90-е годы].
16. Анатомия «Илиады»: начало дискуссии. — Вестник древней истории, 2004, 3: 207–214. [Это отклик на критические замечания, содержащиеся в рецензии В. В. Цымбурского и В. В. Файера на книгу «*Анатомия Илиады*».]
17. Культура, первобытный примитивизм и концлагерь. — *Культура и глобальные вызовы мирового развития*. V Международные Лихачевские научные чтения (Конгресс петербургской интеллигенции). 2005: 11–14.
18. Спор о варягах. Санкт-Петербург, Нестор-История (в печати). [Книга, написанная в 1960 г. и подготовленная к печати со многими дополнениями и комментариями в 2006].
19. История археологической мысли. Санкт-Петербург, издательство Санкт-Петербургского университета. 2006 — в печати.
20. Дорога сокровищ. Записки археолога. — газ. «*Ленинградский университет*», февраль — март 1971, № 16, 17, 20, 21.
21. Аки обре. — газ. «*Ленинградский университет*», март 1972, №№ 6, 7, 9 и 10.
22. Тень похищенного золота. — газ. «*Смена*» за 10 октября 1990 г. № 236 (19686): 4.
23. Диагноз. — журн. «*Звезда*», 2006, № 9: 142–157.

Прочие

24. Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самуиловича Клейна. Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. Санкт-Петербург, изд-во С.-Петербургского университета, 2004.
25. Буровский А. М. 2004. Неклассическая и постнеклассическая археология. — *Археолог: детектив и мыслитель*. Санкт-Петербург, изд. С.-Петербургского университета: 167–181.
26. Формозов А. А. 1995. О книге Л. С. Клейна «*Феномен советской археологии*» и о самом феномене. — *Российская археология*, № 3. С. 225–232.

**АВТОБИОГРАФИЯ
В МОНОЛОГАХ И ДИАЛОГАХ**

часть первая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

1. Витебск, семья

**Из письма канадскому
профессору Брюсу Триггеру
(25 августа 2005)**

[В работе над историей мировой археологии я обращался к видным археологам за их автобиографическими материалами и в ответ, особенно в переписке с Брюсом Триггером, считал уместным делиться сведениями о своей жизни: Брюс Триггер, придерживающийся западного марксизма, также историограф археологии, и я связан с ним длительным сотрудничеством.]

Дорогой Брюс, Ваше любезное письмо побуждает меня обратиться к собственным корням. Я не могу проследить свое происхождение по документам столь глубоко, как Вы, но семейные легенды, передававшиеся устно, кое-что поведать могут. Мои далекие предки (с отцовской стороны) были балагулами. *Балагэла* — это еврейский ямщик. То есть это кучер, обладавший тройкой лошадей и кибиткой и возивший пассажиров между городами, от города к городу. [Филологи говорят, что от этого названия профессии происходит русский глагол «балагурить», поскольку ямщик обычно занимал пассажиров досужими байками и, уставая от долгого одиночества, был охоч поговорить.] Мои предки ездили по маршрутам между Варшавой, Москвой и Петербургом. Семейное предание рассказывает, что в 1812 г., когда они ехали из Варшавы в Москву, они повстречали на пути отступавшие и замерзавшие войска Наполеона. И дрожащие от холода солдаты спрашивали: «*Jud', ist es noch weit nach Petersburg?*» (нем. «Еврей, далеко ли еще до Петербурга?»). Я сначала рассматривал это как досужие байки, вымыслы: почему до Петербурга, когда это была смоленская дорога, [по которой войско Наполеона отступало из России], и почему они обращались по-немецки?! Но позже я узнал, что в составе армии Наполеона было много немецких войск, а чтобы не посеять панику, Наполеон, уходя из Москвы, отдал приказ не об отступлении, а о наступлении на столицу России — Петербург! [Балагула вряд ли это мог знать,] так что легенда, видимо, отражает правду!

**Из интервью
«Европейскому
археологическому журналу»
(К. Кристиансен), 1991**

К.К. *Разрешите начать с вопроса о ваших семейных корнях.*

Л.К. *Семья моя еврейская, но очень русская. Уже три поколения разговорный язык в нашей семье – русский, и это мой родной язык. Мой дед владел заводиком. Он жил в Варшаве и в начале Первой мировой войны переселился в Белоруссию, в Витебск, город, откуда происходит Шагал. Другой мой дед был оптовым купцом первой гильдии. Он был очень религиозным, тогда как первый*

Часть первая. Детство и юность

дед (с отцовской стороны) нет. Отец мой был врачом, директором больницы, а мать была хирургом, очень известным в городе. Во время [Отечественной] войны они были оба на фронте, а после войны поселились в Гродно, Белоруссия. Сестра моя тоже хирург. Она на десять лет старше меня и еще работает. Мой брат — профессор истории в Гродненском университете. Такова моя семья.

Из интервью чикагскому журналу «Каррент Антрополоджи» (Т. Тэйлор), 1993

Т.Т. *Расскажите мне немного о Вашей семье — это российские евреи?*

Л.К. Я не особенно чувствую себя евреем. Свое еврейство я ощущаю только когда наталкиваюсь на барьеры со стороны властей. В семье у нас не разговаривали ни на идиш, ни на иврите, и у нас не было иудейской религии.

Т.Т. *Это была семья «буржуазных интеллигентов»?*

Л.К. Мой дед владел заводом, а мой другой дед был очень богатым коммерсантом — купцом первой гильдии, разумеется, он был экспроприрован. Мои родители были оба врачами. [В Гражданскую войну] отец мой[, окончив университет,] вступил в армию Деникина, то есть был на стороне белых; после их поражения он стал красным — бригадиром в армии Тухачевского. [В годы репрессий] он сохранил себе жизнь благодаря тому, что писал в каждой анкете, что был деникинским офицером, но никогда не упоминал, что был красным генералом — все его соратники были ликвидированы, потому что они были с Тухачевским, [а еще раньше — с Котовским]. Во Второй мировой войне он участвовал как [майор, затем] подполковник, а моя мать была хирургом на другом фронте.

Воспоминания (2007)

Дед с отцовской стороны при рождении получил имя Симона, но в детстве сильно болел, и ему для исцеления дали «сильное» имя Вульф (на идиш — «волк»). Так он стал Симон-Вульф. Отчество — Шлеймович (Соломонович). Роста он был маленького, оправдывая свою фамилию (Клейн — по-еврейски, как и по-немецки — «малый»), но был очень сильным. Жил в Варшаве. К его времени род обеднел и в детстве дед был почти беспризорником.

Дружил он с поляками, русскими и казаками, стоявшими в городе. Был заводилой компании. Любил полакомиться ветчиной (свинина!), не забывал и выпивку. Однажды в большой иудейский праздник (кажется, это был Судный день), когда все синагоги закрыты и там обитает только Бог, деду пришлось в голову использовать именно синагогу для веселого пикника. Со всей компанией они проникли в запертую Хоральную Варшавскую синагогу через печные трубы и расположились на полу с выпивкой и ветчиной. Пока из синагоги доносился легкий шум, верующие евреи относили это за счет возможного присутствия Бога, но когда Бог стал петь «*Шумел камыш*» и притом нестройным хором, в синагогу стали ломиться. Участники веселья стали выскакивать через трубу, в спешке перемазавшись в сажу, а дед, как капитан, покидал свой корабль последним, и его засекали.

Результатом было то, что на деда наложили «херем», то есть анафему (ведь пришлось заново освящать синагогу), а иудейская анафема отличается от православной большей конкретностью: каждый встречный иудей должен ударить проклятого камнем. Ну, от средневековых норм осталось мало, их соблюдали уже

1. Витебск, семья

только формально: достаточно поднять и бросить в отлученного песчинку. Но, во-первых, это всё равно неприятно, а во вторых, могут найтись и фанатики, желающие бросить что-либо и потяжелее. Поэтому деду пришлось срочно бежать из Варшавы. Он ушел на четыре года в армию, дослужился до ефрейтора, а вернувшись, вел себя скромно.

Нанимался рабочим на конфетную фабрику, и хозяин предложил поступавшим есть шоколадные конфеты, сколько угодно, только не выносить. Все набросились (и скоро получили отвращение к шоколаду), но дед взял только одну конфетку и отказывался брать еще. Хозяин принял всех, кроме деда. Тогда тот устроился на металлообрабатывающий заводик, изготавливавший бронзовые люстры и скульптуры. Через несколько лет он стал мастером, а еще через несколько вместе с другим мастером, немцем, они откупили завод у хозяина. Прошло еще немного времени, и дед выкупил долю этого немца и стал единственным владельцем.

В 1914 г., когда немецкие войска наступали на Варшаву, оттуда началась эвакуация: университет переехал в Ростов-на-Дону, гидрологический институт — в Новочеркасск (где они и остались насовсем), а дед получил от царской власти два вагона для эвакуации своего завода, и перевез его в Витебск. Там он купил двухэтажный дом с большим садом у вдовы вице-губернатора на Гоголевской улице, где мы и жили до Отечественной войны. Дед не стал дожидаться экспроприации, а подарил свой завод советскому государству и был назначен первым директором. Соответственно, нас не выселили из вице-губернаторского дома, а только уплотнили, и отняли большой сад, который быстро пришел в негодность. Как, впрочем, и завод после ухода деда на пенсию. Дед еще долго промышлял изготовлением люстр в своей маленькой мастерской.

От выпивок отказался еще в молодости, от курения — в старости.

Когда отлученный от церкви дед женился (на Эстер Гутфройнд), с нею порвали все ее родственники, так что ни со стороны деда, ни со стороны бабки у меня родных нет. Утратила веру и бабушка. Никаких обрядов в этой семье не соблюдали. Ни в православие, ни в протестантизм не переходили, формально так и остались иудеями, но только по документам. Отец при рождении получил три имени: Самуил-Соломон-Станислав (два библейских, одно польское). Звали его дома по третьему имени. Это и обусловило мое отчество — Станиславович. Но когда только начался крен государственной власти в сторону антисемитизма, я, к тому времени вошедший в совершеннолетие, из чувства протеста изменил отчество на Самуилович. Имя младшего брата отца было Леон (польское), он рано умер, по нему и меня называли. Но, говорят, паспортист, сказал: «Нет такого имени. Как это по-русски будет?» Ему ответили: «Лев». Он обрадовался: «Вот так и запишем». Вообще-то в еврейской среде русское имя Лев стало очень популярным после того, как Лев Толстой высказался против погромов, поэтому мои не сопротивлялись.

О клейновском роде стоит еще добавить, что, насколько хватит памяти, в этом роду рождались только мальчики. У деда были только братья и двое сыновей, у отца тоже двое сыновей, у брата тоже двое сыновей, и у каждого из сыновей — только сыновья. Медики знают такую генетическую закономерность,

Часть первая. Детство и юность

она как-то связана с лысиной у мужчин, и действительно, почти все в роду лысые. У меня была старшая сестра Серафима, но она в семье приемная: это мамина племянница, родители которой умерли, когда она была младенцем.

Отец, который смолоду не пил и не курил, поступил еще до революции в Варшавский университет (тогда российский), причем поступал при процентной норме для евреев, впрочем, довольно большой (10%), а так как он учился в гимназии средненько, то прошел из 510 человек 51-м (цифры я могу и напутать), то есть последним (это я помню точно). Распределение же на факультеты шло не по желанию, а по разнарядке в соответствии с успехами при сдаче, поэтому попал он не на медицинский, куда хотел, а на юридический. Но тут подоспела эвакуация в Ростов, куда не все студенты поехали, а отцу повезло ехать в одном купе с ректором. Он и выпросил перевод. Окончил он уже Ростовский университет по медицинскому факультету, и сразу поступил в военную кавалерийскую школу. Весь выпуск этой школы поступил в Добровольческую армию Деникина, где отец оказался медиком в офицерском чине. Так он стал белым офицером.

В 1920 г. дед, уже сообразивший, что советская власть — это надолго, и подаривший свой завод государству, дал знать об этом отцу через линию фронта, и отец не стал бежать с белыми за границу и с Врангелем в Крым не ушел, а последовал призыву главнокомандующего красных Троцкого к «военспецам» и перешел на сторону Красной Армии. Попал он в дивизию Котовского в особую курсантскую кавалерийскую бригаду, где был бригаврачом, носил в петлице ромбик, то есть имел чин, по-нынешнему, генерал-майора. Бригада воевала на Тамбовщине.

Когда отец вернулся с Гражданской войны в Витебск, он познакомился с семейством Рафальсонов, очень богатым и многочисленным, откуда и происходит моя мать Ася Моисеевна. Дед Моисей Рафальсон был купцом первой гильдии, вел оптовую торговлю зерном. Ему принадлежала в Витебске половина Вокзальной улицы. Купцами были и его сыновья. Только один сын, старший, Юрий (Иуда), был членом РСДРП с 1905 г., хранил в доме подпольную литературу и, когда пристав с полицейскими приходили делать обыск, дед выходил им навстречу с чаркой водки на подносе, под которой лежала крупная купюра. Пристав выпивал, наставлял деда приструнить сына, и все уходило, а дед устраивал разнос Юрию. Именно этот сын умер в 1917 г. от тифа вместе с женой, и новорожденная дочь воспитывалась вместе с моей матерью, а потом у нее. Мать была в семье восемнадцатым ребенком (младшим), но лишь тринадцатым выжившим. Она училась в Первом медицинском в Петрограде и была красавицей, дружила с Лилей Брик, подругой Маяковского, играла на рояле, увлекалась танцами. У нее был очень завидный жених, и свадьба планировалась сразу по окончании вуза.

Отец-то был низеньким, лысым и некрасивым. Тем не менее он сумел покорить ее сердце за три дня и, можно сказать, похитил ее из дому, потому что дед Моисей был чрезвычайно религиозным и вся родня была в ужасе от перспективы породниться с «проклятым» семейством. Кроме того, Рафальсоны были знатного рода, возводившего свое происхождение к левитам (деду Моисею, даже когда он был еще юным и бедным, предлагали в синагоге прочесть отрывок из торы первому),

1. Витебск, семья

а дед Клейн, хотя и фабрикант, — из низов. Еще долго дед Моисей не признавал меня за внука и не появлялся у Клейнов. А когда уже при резко изменившихся порядках оба рода, наконец, примирились и для этого меня подвергли всем положенным обрядам, а потом и младшего брата, в доме у Клейнов завели специальный шкаф с посудой для визитов деда Моисея (чтобы он не осквернился от «не кошерной» пищи и посуды). Дед Моисей, которого я помню высоким стариком с окладистой седой бородой, милостиво соглашался сидеть за столом, сажал и нас на колени, но ничего не ел, а только доставал из кармана конфеты. Позже, когда у него отняли всё и лишили всех прав (была такая категория в советской жизни — «лишенцы»), его с женой выслали в Тверь, где он и умер.

Как я уже говорил, дед Клейн избежал резкой экспроприации и еще долго сохранял прежний образ жизни, постепенно ужимая размах. Сокращался штат прислуги — сначала были садовник, кучер, кухарка, горничная и няня. Под конец осталась только наша няня Женя, Евгения Демидовна Мудракова, которая стала членом семейства и уехала с нами в эвакуацию в 1941. Она там и осталась, поскольку вышла замуж.

Я где-то читал, что творческие способности дети наследуют обычно не от отца, а от матери (то есть что большей частью эти гены содержатся в хромосоме X, передающейся только по женской линии). Если у меня есть какие-то способности такого рода, я думаю, что они у меня действительно от матери. От отца я мог унаследовать организаторские способности, волю, но музыкальные и прочие творческие дарования — от матери. Она всегда блестяще училась (на одни пятерки), очень много знала и была не только известным хирургом, но и любимым преподавателем. У отца характер был угрюмый и нелюдимый, а мать везде была душой компании. В роду Рафальсонов вообще много заметных людей — профессора, математики и музыканты.

Мой двоюродный брат Саша Рафальсон окончил сельскохозяйственный вуз по тракторам, во время войны был танковым офицером (награжден двумя орденами Отечественной войны и Красной звездой), после войны стал руководить секретным конструкторским бюро (изобретал какие-то приборы для спутников) и стал лауреатом Госпремии (то ли Ленинской, то ли Сталинской, уж не помню). Но Хрущев издал приказ — всех, у кого сельскохозяйственное образование, вернуть в сельское хозяйство. Сашу, с его тракторным образованием, да еще и еврея, быстренько сняли с руководства конструкторским бюро и направили в Ленинградскую область главным инженером МТС (Машинно-тракторной станции, то ли Сиверской, то ли Будогощской — не помню). Конструкторское бюро перестало делать изобретения, а сельское хозяйство так и не было спасено. Эти бессмысленные ограничения преследовали оба наши рода постоянно и, слава уж не знаю какому богу, безуспешно.

Детство у нас с братом было очень благополучное и трудовое. Мы отлично учились, и нас дома не приходилось понуждать. Если случалась четверка или тройка, то дома все только делали сочувственное лицо и тихо говорили между собой: «Не трогайте его сегодня, у него неприятности в школе». Этого было достаточно. Дома все учились и все сдавали экзамены: сестра с подругами,

Часть первая. Детство и юность

мать (ей пришлось второй раз проходить курс мединститута, так как первый раз она его не окончила из-за нашего появления на свет). Хуже было другое — что нас отдали в музыкальную школу по классу рояля (дома стояло пианино), а это означало ежедневные упражнения, гаммы и арпеджо, по три часа в день. В довершение всего у нас оказалось дарование. По музыке я продвигался очень быстро, из первого класса сразу в третий, а из пятого, минуя шестой и седьмой сразу в училище. И я и брат выступали на концертах, я под конец уже играл Вторую Венгерскую рапсодию Листа и с симфоническим оркестром — «Прощальную» симфонию Гайдна. Из нас стали делать вундеркиндов — приучали к славе, аплодисментам. В городских газетах появлялись наши фотографии. Моя учительница по музыке, немка Евгения Романовна Шуман была в каком-то родстве с композитором Шуманом, а сама была ученицей Рубинштейна. Была она маленькой, худенькой, очень старой и нервной, с рыже-пегой челкой. Вечно укутанная в шаль, она сидела рядом и, когда мы ошибались, больно толкала острым кулачком в бок. Общего языка с ней не находилось. У нас практически исчезало детство, таяла всякая самостоятельность. А главное, я чувствовал, что это не мое призвание.

В конце концов я поднял семейный бунт: на одном концерте захлопнул крышку рояля и ушел со сцены. Мать была в слезах, очень горевала, но больше в музучилище я не пошел. По моему примеру бросил музыку и брат Борис («Левке можно, а мне нельзя?!»). Я не жалел об этом, а он жалел (у него потом оказался чудесный бас, и он пел и сочинял музыку очень классно, но лишь на досуге).

В обычной школе мы учились тоже. Школа была белорусская. Дело в том, что русская школа находилась напротив через улицу с трамвайными линиями, а белорусская — рядом с домом, на этой стороне. Вот нас и отдали безопасности ради в белорусскую. На русском мы говорили дома, белорусский знали так же хорошо, как русский, благодаря школе, а идиш слышали у соседей. Дома, если дед с бабкой хотели поговорить между собой так, чтобы мы не понимали, переходили на польский. Однако скоро сообразили, что польский нам всё более доступен, поэтому для конспирации употребляли еврейские слова. Так, например, они нередко говорили о ком-то, кого называли «дер газлон» (злодей), — мы были дети достаточно умные, чтобы догадаться, что речь идет о Сталине.

Из книги «Перевернутый мир» (1988–91, 93)

Неприятно поражала запуганность взрослых. Когда я заводил с кем-нибудь речь о политике, мой осанистый отец косился на стены и немедленно начинал петь что-нибудь бравурное, чтобы заглушить мой голос. Мама иронически комментировала: «Он уже поет». Иногда он нервно пел и без всякого повода: видать, его пугали собственные мысли. Я ловил себя на том, что и сам приучаюсь напевать, когда мысли уходят в опасную сторону, и сердито обрывал мелодию: уж мыслить-то я хотел без ограничения.

2. Эвакуация

Из интервью
чикагскому журналу
«Каррент Антрополоджи»
(Т. Тэйлор), 1993

Т.Т. *А что происходило с Вами в военные годы?*
Л.К. Я был эвакуирован и учился в школе в Йошкар-Оле, столице Марийской автономной республики, за Волгой. Тогда я впервые вступил в конфликт с КГБ. Я был президентом подпольной организации школьников, которую мы называли «Прометей». Мы не могли понять, почему война идет против немецкого народа, тогда как в соответствии с нашей интернациональной идеологией она должна вестись только против фашистов. Наши цели были тривиальными, но вполне достаточными чтобы обеспечить нам суровое наказание, а советское право [на практике] не имело ограничений по возрасту. [В школе] мы заучивали поэмы Пушкина о «вольности», свободе, с либеральными и революционными идеями, но советская практика была совершенно противоположной. Подражая Пушкину и Лермонтову, мы сочиняли свободолобивые стихи.

Т.Т. *Так что в плане культуры это было очень по-русски.*

Л.К. Вероятно. Когда нас открыли, в 1944, как республиканский министр госбезопасности, так и республиканский секретарь партии участвовали в расследовании, лично беседовали с нами. [Наказания нам не было.] Мы должны были бы отправиться в лагерь — даже дети младшего, чем мы, возраста получали по 10–15 лет заключения. [Отношение властей к нам выглядело очень гуманным.] Но, как я сейчас понимаю, министр и секретарь заботились не о нашей судьбе, а о своей собственной, потому что они раскрыли нашу организацию только после года ее существования, [и могли бы получить по шапке от московского начальства за нерасторопность]. Так что они решили трактовать ее как детские игры. [Нас усердно уговаривали, что всё это глупо и несерьезно, а мы гордо отстаивали серьезность наших намерений. Комсомольскому начальству поручили перевоспитывать нас идеологически,] но мы надолго попали под надзор КГБ.

Из книги
«Перевернутый мир»
(1988–90)

Несмотря на ранний интерес к наукам, нелады мои с властями прерывающимися начались со школьной скамьи. Несмотря? Скорее именно благодаря интересу к школьным предметам мы остро чувствовали противоречия эпохи. С одной стороны, нас воспитывали на вольнолюбивых стихах Пушкина и на звонких лозунгах революции, а с другой — требовалось раболепное поклонение вождям и карался любой помысел о свободе. ...

В школе мы с приятелями наладили выпуск стенгазеты «ЛУИ» — расшифровывалась: «Подпольный Усмиритель Педагогов». Шум был страшный, дошло до обкома партии: слово «подпольный» всех напугало. Списали на малолетство. Дальше — больше: компания была бойкая. Ныне почти все эти друзья детства — профессора, доктора наук [(Олег Птицын — физик, мой брат Борис — историк, и т. д.), один ушел в артисты, стал известнейшим киноактером и режиссером — это Ролан Быков. Помню его головастым мальчиком маленького роста, с большими серьезными глазами. Никаких актерских дарований я за ним не знал, но мальчик был живой и умный, иначе бы мы, старшие, его в свою компанию не взяли бы. Правда, моим одноклассником был его старший брат Гера, это и поддерживало принятие Ролки в компанию. (Германа Быкова я уже взрослым несколько раз встречал, когда он приезжал в Ленинград. Он стал военным медиком. С Роланом связь оборвалась — когда он стал знаменитым, навязываться в друзья не хотелось.)]

Часть первая. Детство и юность

В старших классах (8–9) мы организовали тайное общество «Прометей», выпускали рукописный журнал с вольнолюбивыми статьями и стихами. Я был президентом общества. На сей раз для разбора нашей деятельности нас пригласили на закрытое заседание секретарей обкома в присутствии республиканского министра очень компетентного ведомства. Как мы тогда избежали тюрьмы — ума не приложу! И за меньшие прегрешения наши сверстники уходили на Колыму. Скорее всего, нам помог страх местного начальства за себя: нас «разоблачили» лишь после того, как мы сами распустили организацию [хронологическая неточность, дальше я изложу точнее]. Если счесть ее серьезной, то, выходит, местные органы ее прошляпили? Вот и квалифицировали все как озорство, детскую игру. Но ходил я под надзором долго.

Воспоминания (2007)

Помню, незадолго до войны через Витебск непрерывно шли войска на запад. Видимо, либо мы собирались напасть на дружественную нацистскую Германию, либо готовились к ее нападению. И всё-таки оказались не готовы. 22 июня 1941 г. наше семейство паковалось, чтобы ехать на дачу. Был заказан грузовик. Когда по радио неожиданно было объявлено, что сейчас выступит Молотов, папа мрачно сказал: «Ну, всё. Распаковывайтесь». Все поняли: это война. А дед рассудительно поправил отца: «Подождите. Не стоит распаковываться». Он помнил эвакуацию в Первую мировую. Действительно, вскоре встал вопрос об эвакуации, причем без отца и матери — они были мобилизованы: отец в первый же день войны, мать — на второй.

У моей сестры был жених Аркадий Хазанов, военврач, сын известного адвоката, очень на него похожий — высокий, полный и чрезвычайно эрудированный. Оба они, отец и сын, обладали феноменальной памятью. Стоило при Але (Аркадии) упомянуть, скажем какой-нибудь городок, как тотчас почти автоматически следовало его краткое описание из энциклопедии Брокгауза и Ефрона наизусть — столько-то тысяч жителей, столько-то заводов, церквей, мельниц и т. д., железная дорога открыта в таком-то году. Присутствовавший при беседе отец, Николай Маркович, разглаживал свисающие усы и, подождав несколько секунд, с укоризной (за упущение) дополнял: «На открытии присутствовал великий князь Николай Николаевич» или что-нибудь подобное. Свадьба сестры с Алей намечалась на осень. Но сразу по объявлении войны они побежали в ЗАГС и расписались. Аля тотчас уехал в свою часть (по окончании войны он был начальником Рижского госпиталя), а сестру тоже мобилизовали — она ведь уже окончила институт и была хирургом, как мать.

Немцы продвигались неимоверно быстро. Витебск ведь на восточном конце Белоруссии, у самого стыка с РСФСР, но уже через неделю стало ясно, что немцы вот-вот ворвутся в город. Упакованные чемоданы и тюки почти не пригодились. Брать с собой пришлось совсем не те вещи и лишь самое необходимое.

Мы уезжали в эшелонах, товарными вагонами, и наши эшелоны продвигались в глубь страны перед самым отступавшим фронтом, медики были недалеко от нас, так что связь с родителями сохранялась. Под Волоколамском мы задержались, там были суровые бои, потом нас отправили в Егорьевск и выгрузили, там мы застряли надолго, а отец получил приказ в случае окружения оставаться в Москве и отбыл в Москву. Это были дни знаменитой московской паники, ког-

2. Эвакуация

да все, кто мог, бежали из Москвы. Наконец, нас, семьи военнослужащих, снова погрузили в эшелоны и повезли на восток, не сказав куда. Ехали недели две.

Привезли нас в Йошкар-Олу, тогда деревянную, за Волгой. Срубные дома, деревянные мостовые по бокам земляных улочек. Там я поступил в школу, год проучился в восьмом классе. Школа была эвакуирована из Ленинграда, состав учителей был очень сильным, некоторые были кандидатами наук, немецкий преподавал профессор-немец. Особенно нас увлекала своими уроками историчка Гертруда Исааковна Ивянская. Она, казалось, не прилагала никаких усилий к тому, чтобы удерживать внимание, но в классе стояла напряженная тишина, и мы внимали ее тихому голосу, как завороченные. Она рассказывала о событиях истории так, как будто они произошли только что по соседству, и она лично знакома со всеми героями. К тому же речь ее была интеллигентна, без всяких скидок на наш возраст, и это подкупало больше всего. Мы старались отвечать без запинки и лаконично уроки по истории, чтобы осталось побольше времени на ее рассказ по новой теме.

Я был в числе первых, но вряд ли первым: у нас был очень сильный класс — всё дети ленинградских сотрудников Академии наук, эвакуированных в Йошкар-Олу. Если ты не мог свободно читать на одном-двух иностранных языках, на тебя смотрели с сожалением. В такой обстановке — дух вон, а языками овладевали. Блистал эрудицией и знанием языков Олег Птицын, впоследствии профессор, один из руководителей Института высокомолекулярных соединений Академии наук. Братьев Германа и Ролана Быковых я уже называл — Герман (мой одноклассник) впоследствии военный врач, Ролан — младше на год или два — впоследствии знаменитый актер и режиссер. Старше нас двумя годами учился Сережа Яхонтов — впоследствии известный китаист. Это был наш круг общения.

На уроках литературы многие выступали с интересными сочинениями, вне уроков писали стихи. Я также был в числе тех, кто старался не ударить в грязь лицом на уроках русской литературы. Писал и сам стихи, интересовался книгами по технике стихосложения. Помню, написал длинную поэму, вдохновенно прочел ее Олегу Птицыну, но по дороге от него домой в снежную пургу потерял листочки. Очень горевал, но каково же было мое изумление, когда на завтра Олег продиктовал мне ее дословно! Память была не хуже, чем у моего шурина Аркадия Хазанова.

Сохранилось мое сочинение того времени (восьмого класса) по русской литературе — *«Игорь и Святослав»*. Это образы из *«Слова о полку Игореве»*. Моим побуждением было открыть, кто является автором этого произведения. Вообще работа построена на сравнении образов *«Слова»* с образами тех же героев в Ипатьевской летописи. Сопоставляя *«Слово»* с летописью, я пришел к предположению, что автором мог быть Беловолод Просович, от которого Святослав Киевский, по Ипатьевской летописи, узнал о поражении Игоря. Имя у этого монаха или дипломата — западнорусского звучания, и это согласуется с заметным галицко-волынским вкладом в *«Слово»*. Таким образом, я проделал этот опыт исследования в 1943 году, за четверть века до Рыбакова, но, разумеется, на школьном уровне, и уже тогда я разошелся с Рыбаковым (у Рыбакова автором *«Слова»* стал боярин Петр Бориславич).

Часть первая. Детство и юность

Летом я поступил в пригородный колхоз, чтобы прокормить стариков и младшего брата. Учился обихаживать лошадей, запрягать их в плуг или борону, пахать и бороновать. Помню, первая запряжка мне не удалась. Вроде, сделал всё, как мне показывали. Но лошадь как-то дернула кожей — и вся сбруя с нее свалилась (отец, старый кавалерист, при рассказе об этом очень смеялся). Пока приспособился пахать, прошло немало времени. Это оказалось чрезвычайно трудно, нажимать на рукоятки нужно с большой силой и сноровкой. А зимою снова в класс.

Вот тут и произошли описанные «политические» события. Брат недавно напомнил мне, что вызовов в республиканский комитет партии было два: на первом нас принимали ласково и даже накормили обедом (с булочками и пивом, которое мы пробовали первый раз в жизни), порекомендовали продолжать выпуск журнала, только выправить его курс. Но следующий выпуск рассердил наших непрощенных покровителей окончательно, и нашу организацию прикрыли. А я вышел из нее еще до выпуска этого последнего номера, сочтя эту затею слишком детской.

Я тогда подумал, что упреки партийных идеологов, стремившихся нас перевоспитать, были в общем-то верны: отвергая марксизм как идеологию, мы по-настоящему марксизма и не знали. Ничего из классиков марксизма не читали. Я начал читать. Мне посоветовали начать не с Маркса и Ленина, писавших сложно, а с Энгельса и Сталина. Я так и поступил. И что же? Сталинское изложение пленило меня стройностью и ясностью мысли, силой аргументации. Да еще за этими строками как бы звучал в моих ушах привычный глуховатый и хитроватый голос Иосифа Виссарионовича... В моей биографии начался период моего юношеского увлечения марксизмом. На фоне победоносного приближения конца войны и союза с Англией и Америкой жертвы казались мне правомерными, а ошибки и издержки естественными. Словом, в это время я был почти готов совершать глупости, которые столь широко охватывали массы народа...

Слава богу, этот период был коротким. Но об этом дальше.

3. Фронт

**Из интервью
чикагскому журналу
«Каррент Антрополоджи»
(Т. Тэйлор), 1993**

<...> Потом я отправился на фронт, вступил в армию и служил как вольнонаемный (получил оружие, но считался гражданским и мог уволиться, если офицер отпустит). Раньше я мечтал стать танковым генералом, но реальность войны оказалась не такой, как в книгах или кино.

**Вторая беседа с издателем
(2006)**

Изд. *Я смотрю, в Ваших интервью почти совершенно опущено Ваше пребывание на фронте. Почему?*

Л.К. Я думаю, моих интервьюеров это не интересовало по нескольким причинам. Во-первых, их установка была на представление моих научных взглядов и моих расхождений с властью. Интересовало их и мое социальное и этническое происхождение — как основа для того и другого. А прочее их не очень

3. Фронт

занимало. Во-вторых, и я не напоминал, потому что мой военный опыт невелик по сравнению с фронтовиками постарше, я не был солдатом, а только вольнонаемным, а главное, я вообще не числился в участниках войны.

Изд. Почему? Ведь вольнонаемные тоже считались участниками войны, даже если не были на фронте? А Вы ведь были?

Л.К. Был, на 3-м Белорусском.

Изд. И были подтверждающие документы?

Л.К. Сохранились удостоверения с фотографиями, командировочные, очень потрепанные, но сохранились. Затем, у меня же есть военные медали.

Изд. Как это так — медалями награждены, а участником не признаны?

Л.К. А дело в том, что для признания участником требуется не только предъявление личных документов, но и чтобы в архиве нашли документы Вашей части и чтобы там было найдено соответствие Ваших документов спискам части. А в архиве документы моей части были потеряны. Так что я пятьдесят лет не числился участником и не пользовался льготами.

Изд. А теперь?

Л.К. Когда я оказался в бедственном материальном положении, я, конечно, обращался с просьбой о материальных льготах в военкомат, оттуда рассылали по архивам запросы, но ответ был отрицательный. А в 1997 г., когда я уже и думать об этом перестал, вдруг из военкомата сообщили, что в архиве нашлись документы моей части, и я в списках обнаружен. Получил (полвека спустя) документы «участника ВОВ», как это именуется на официальном языке.

Изд. Теперь расскажите, как Вы попали на фронт.

Л.К. В эвакуации мне приходилось думать о стариках (бабушке с дедом) и о младшем брате. Когда же он пошел, а мне было уже 16, я не стал учиться в школе дальше, а собрал вещички и поехал на фронт.

Изд. Какие были мотивы этого поступка?

Л.К. Ну, во-первых, шла война, так что когда юноша собирался на фронт, никому не приходило в голову спрашивать, зачем. Во-вторых, после конфликта с госбезопасностью, оставаться дома было как-то неуютно. А кроме того, мне было 16, и я мечтал стать танковым генералом. Как-то промежуточные позиции не удерживались в сознании, а сразу — генералом. Я прочел гору литературы, книги о стратегии (Клаузевица и прочих), о танках. Ни одного танка вблизи не видел, но посади меня в танк — вероятно, смог бы его вести, потому что по книгам всё выучил назубок. Подавал в танковое училище, но меня отвергли сходу — я ведь был очкарик. Вот и поехал — посмотреть на войну изнутри. Помню как меня провожали — бабушка, дедушка, брат, квартирная хозяйка — эта просила меня посмотреть, поспрашивать о ее муже: он ушел на фронт и пропал без вести. Как будто фронт — это дом, где можно пересчитать жильцов... Отправился.

Изд. Это было ведь не так просто, вероятно. Вас не задержали?

Л.К. Ну, я ведь ехал в сторону фронта, а не в обратную сторону. Связался телеграфом с отцом. Когда спрашивали, говорил, что еду к отцу, называл куда. Проверить было нетрудно. Так приехал в Смоленск, куда отец выехал на встречу со мной. Оттуда поехали в его расположение под Лиозно (местечко, где родился Шагал). Это был 3-й Белорусский фронт (мать была на 2-м Белорусском). В свою часть отец меня не взял, потому что неудобно. Я поступил вольнонаемным в соседнюю часть, военно-строительную.

Изд. Почему не солдатом?

Л.К. Я хотел добровольцем, но это нужно было через военкомат. А лейтенант Кожин, принимавший меня, сказал, что как вольнонаемному мне выдадут оружие

Часть первая. Детство и юность

всё равно (для меня это было важно), но зато когда война окончится, я, если уцелею, смогу с разрешения командира уволиться и пойти учиться, если же стану солдатом, то мне еще будет трубить и трубить. Ну, послушался разумного совета.

Изд. *А как смотрел на это отец?*

Л.К. Отец одобрил. Была весна 1944 года. Когда в июне началось наступление 3-го Белорусского фронта, наши дороги с отцовской частью разошлись, хотя иногда смыкались. Числился я табельщиком-нормировщиком, хотя выдали мне оружие, а исполнять приходилось разные задания, чаще других — военного переводчика, потому что я знал немецкий.

Изд. *Доводилось ли Вам участвовать в боях?*

Л.К. В непосредственных боевых действиях я не участвовал, но под автоматным обстрелом, артобстрелом, не говоря уже о бомбардировках, бывать, конечно, приходилось.

Изд. *Спрашивали о пропавшем муже хозяйки?*

Л.К. Не смейтесь. Это действительно случайность, близкая к чуду, но я нашел ее мужа! Это редкая фамилия, я ее хорошо помню и сейчас, но не назову — и Вы поймете почему. Неподалеку от Лиозно находится Катынь, где были расстреляны польские офицеры. Вот там я нашел на табличке на одной могиле его фамилию. Это были могилы тех, кто перешел на сторону немцев, стал полицаем или чем-то вроде и умер от болезни. Между тем, в Йошкар-Оле у него росли сыновья, думающие, что отец погиб на фронте. Мы с ними были друзьями. Они и их мать будут получать пенсию. А если я сообщу истинную судьбу их отца и мужа, кем они станут? С каким сознанием будут жить? вспомните, какие были времена. Я решил сохранить это открытие в тайне. Молчу до сих пор.

Изд. *Возможно, Вы правы. По каким местам пролегли ваши фронтовые дороги?*

Л.К. Мой маршрут был такой: Лиозно — Орша — Борисов — Минск — Молодечно — Вильнюс — Каунас — ...

Под Вильнюсом мы прошли через чудесное местечко — Лентварис, Ландварово. Там изумительный замок в стиле пламенеющей готики, над озером. А рядом оказался лагерь смерти Понары, в котором мы еще застали несколько живых узников, изможденных до последней степени. В памяти запечатлелось объявление на деревянном щите над воротами, куда уходил железнодорожный тупик:

Getreten des Geländes
streng verboten
sowohl für Zivilisten als auch für Wehrmachtsgehörigen
einschließlich Offiziere
TODGEFÄHRLICH!
(Вступать на территорию
строго воспрещается
как штатским, так и военнослужащим,
включая офицеров
СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО!)

Меж вышек видны были потухшие печи, лежали рассортированные с немецкой аккуратностью кучи тряпья, состриженных волос, которые приобрели почти один цвет — серый, близкий к седому. И запах — пережжённого мяса, развеванного пепла и чего-то химического. Несколько чудом уцелевших узников увели медики.

3. Фронт

Так что все разговоры о том, что Холокоста не было, что лагерей смерти не было, что всё это пропаганда, — меня никак впечатлить не могут. Я это видел собственными глазами, а запах чувал собственным носом. Так что расскажите это вашей бабушке...

Изд. *Как долго сохранялось желание быть генералом?*

Л.К. Ох, оно испарилось довольно быстро. Во-первых, перед достижением генеральского чина оказалось так много трудных ступенек! Во-вторых, война оказалась совсем не такой, какой она выглядела в кинорепортажах и в теоретических книгах. Грязь, вши, совсем неэстетичная смерть рядом... Вывороченные внутренности... А запахи... Когда мы продвигались по старой Смоленской дороге на Борисов, даже бывалые солдаты закрывали носы платками: трупы немецких солдат лежали повсеместно, раздавленные танками, и воняли ужасно — ведь был конец июня. Запорошенные пылью головы, по которым проехали гусеницы, напоминали котлеты, только с дырками на месте рта, в которых посверкивали выломанные зубы. Потом я года два не мог есть котлет. А густой запах гноя в госпиталях от пожелтевших бинтов...

Через Березину мы переправлялись в том же месте, что и Наполеон, и в том же направлении. Понтонный мост всё время расходилась от взрывов. До нас очередь всё не доходила. Только что я разговаривал с молодыми артиллеристами, и вот уже их накрыло взрывом, и остались только ключья тел. Осознать это было трудно.

Словом, реальность войны перестроила мои интересы, и я вернулся к увлечению гуманитарными науками, которое у меня было с пятого класса — к истории, языкам.

Изд. *Чем закончилось ваше участие в войне?*

Л.К. За Каунасом сильный взрыв прямо передо мною привел к временному поражению зрения. По временам яркий свет закрывал всё, и глаза сильно болели. Диагноз (поставил профессор Купреев) был хореоретинит (отрывы нервных окончаний от сетчатки). Прогноз был плохой. Сейчас это лечится лазерами, тогда с лечением было туго. Мне посоветовали заранее изучать азбуку слепых. Но сказали, что несколько процентов всё-таки выздоравливает. Санитарный эшелон увез меня в Рославль, и там я соединился с матерью, которая к этому времени демобилизовалась. А отца перевели в железнодорожные части. Шли последние недели войны. Изучать азбуку слепых я не стал, я верил в выздоровление. И приступы стали поражать меня всё реже, последний был уже в 1950 г., в экспедиции.

Изд. *Вероятно, помогла Ваша установка на выздоровление?*

Л.К. Не знаю. Возможно, просто молодой организм справился, да и улучшение условий помогло. Во всяком случае, я тогда на медкомиссии получил белый билет, который у меня был до самого окончания университета; только по окончании перекомиссовали...

Изд. *Но вернемся к концу войны. Значит, в армию Вас уже не брали, с белым билетом Вы могли учиться.*

Л.К. По настоянию отца я поступил в Рославльский вагоностроительный техникум. Отец не мог примириться с тем, что я мечтаю о гуманитарной профессии. Он говорил, что, начав заниматься каким-нибудь настоящим делом — медициной или техникой, я пойму, как это здорово, увлекусь и стану хорошим работником. Он обещал, что если за год техникум мне не понравится, ну, тогда я могу выбрать, что захочу и, если удастся поступить куда-то, он будет меня поддерживать. По рекомендации военрука мне, хоть и белобилетнику, поручили из военкомата командовать ротой всевозбуча при техникуме. Я честно отучился год на одних пятерки, отец был очень доволен, но каково же было его разочарование, когда я заявил, что срок окончен, и потребовал выполнения договоренности.

4. Гродно, Пединститут

**Из интервью
«Европейскому
археологическому журналу»
(К. Кристьянсен), 1991**

войной, и в 1944 г. я 16-летним вступил в армию, имея за плечами только 9 классов — вместо нормальных 10. Я сдал экзамены [на аттестат зрелости] после войны при Педагогическом институте и автоматически стал студентом, причем студентом филологического факультета. Но скоро пришлось покинуть Белоруссию, потому что глава городской парторганизации, Первый Секретарь Горкома, разгневался на меня.

К.К. *За что бы это?*

Л.К. За речь. [Здесь стоит прервать это интервью, потому что в следующем об этом рассказано подробнее.]

**Из интервью
чикагскому журналу
«Каррент Антрополоджи»
(Т. Тэйлор), 1993**

Меня интересовало происхождение языков, особенно славянских и индоевропейских.

Т.Т. *А разве было возможно изучать индоевропейский в то время? Разве Марр не расправился с этим понятием?*

Л.К. Да, но студентом я интересовался, как появились индоевропейцы и откуда происходят славяне. Даже если происхождение языков было затруднительно изучать, происхождение *народов* было изучать возможно. Мой интерес тогда сосредоточился на фольклоре, но в Гродно было не расправить крылья. Я мечтал о Ленинграде, но просто так уехать из города было трудно. После войны поезда плохо ходили, сельская местность была полна антисоветских партизан («лесных братьев»), польских групп. Мои родители были против моего отъезда, но получилось так, что я был вынужден покинуть город. Я был активистом комсомола в Институте, [заместителем секретаря,] и мы столкнулись с Первым секретарем Горкома партии. Мы обвинили его в отсутствии заботы о студентах, в том, что в своих пропагандистских речах он утверждает, что всё хорошо, тогда как студентам нечего есть. Наши обвинения были классифицированы как антисоветская пропаганда, и партийный босс потребовал моей отставки и [исключения из комсомола, а также публично] намекнул КГБ, чтобы они расследовали мои побуждения. Студенчество встало горой за меня, но я решил бежать в Ленинград. В 1947 г. я начал всё сначала и, хотя перешел уже на третий курс Гродненского пединститута, поступил на курс младше в Ленинградский Университет.

Воспоминания (2007)

После войны мои родители осели в Гродно, на крайнем западе Белоруссии, у самой границы с Польшей. Там требовались врачи, и им выделили хорошую квартиру. Отец стал директором железнодорожной больницы, лучшей в городе, мать — директором городской станции скорой помощи и хирургом городской клиники. Я сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости при Грод-

4. Гродно, Пединститут

ненском Пединституте и по условиям сдачи должен был проступить именно в этот Пединститут. Я избрал филологический факультет.

Там был молодой преподаватель Проценко из Ленинграда, и, помню, в его лекциях меня поразили анализ по Веселовскому песни о Роланде — реконструкция реалий, лежавших в основе фольклорных версий, разные гипотезы...

На факультете я сдружился с белорусским парнем старше меня, прошедшим всю войну. О нем стоит сказать подробнее. Это Алексей Карпюк. Впоследствии он стал известным белорусским писателем. Писатель он не столь масштабный, как Василь Быков, хотя своеобразный, но человек был чрезвычайно интересный и благородный, а биография его трагедийна. Он не обладал таким даром творческого полета, как Василь, воображение его мало отходило от реальности, все его лучшие произведения («Данута», «Побег», «Вершалинский рай») в большой мере автобиографичны. Могучего телосложения с тяжелой челюстью и глубоко посаженными ясными глазами под густыми бровями, он поражал порой детской наивностью и верой в лучшие качества людей. И неустанной борьбой за правду и народное благо. Из такой глины лепились святые и пророки. Кстати, в «Вершалинском рае» было великолепно описано формирование, взлет и падение пророческого движения в Западной Белоруссии под властью Польши (до 1939 г.).

Происходя из крестьянской семьи Западной Белоруссии, он вступил там в подпольный комсомол (дело происходило в Польше). Там были односельчане, побывавшие с профсоюзной делегацией в Советском Союзе, и они с ужасом рассказывали об очередях за хлебом и повальных арестах. Крестьяне им не верили, обвиняли в подкупе, в том, что продались дефензиве (польской охранке). Леша мечтал и грезил о Советском Союзе и вдвоем с приятелем они незадолго до войны собрались бежать в СССР через границу. Приятелям этот побег не удался, их поймали, хорошо побили в дефензиве и вернули в деревню под надзор местной полиции. А вот дядя Алеши был в этом успешнее — он сумел перейти через границу, был схвачен в СССР и расстрелян как польский шпион.

Когда в 1939 году наступило Воссоединение Западной Белоруссии с Восточной, Леша встретил этот праздник с энтузиазмом, но его поразило, что его родителей сочли кулаками, так как у них было несколько лошадей и коров, и раскулачили, лишив избирательных прав, а его собственное пребывание в комсомоле оказалось под вопросом, тем более, что и сама Компартия Западной Белоруссии была подвергнута репрессиям. Он никак не мог взять в толк, почему выборы депутатов в народное собрание организованы как-то странно: нет выдвижения кандидатов от народа, а всё уже расписано у начальства, кому быть кандидатом. И голосовать в каждом округе можно только за одного. Из кого же выбирать, — недоумевал Леша, — и где свобода? Но тут началась война, и все сомнения пришлось свернуть.

Леша организовал партизанский отряд, который успешно действовал в районе Белостока (ближайший к Гродно город — ныне через границу, в Польше). В одну из диверсий немцы выследили его вместе с отцом и братом и арестовали. Он попал в концлагерь Штутгоф в устье Вислы. Оттуда он сумел бежать, ночью спрятавшись в сарае немецкого бауэра (крестьянина). Утром пришел работник — пленный английский летчик, с ним договорились. Он дал Алексею одежду,

Часть первая. Детство и юность

покормил, дал немного денег. В этой одежде Алексей прошел через Германию и Польшу. При подходе к одному охраняемому мосту он взвалил на плечи тяжелое бревно и понес его к мосту. Стража перед мостом понадеялась на более серьезный контроль дальше и пропустила его, а те, что дальше, сочли, что раз его пропустил первый контроль, то проверять и нечего. Этот случай описан в его романе «Луцанская одиссея».

Он снова вернулся в родные места, чтобы продолжить борьбу. Но прежнего отряда уже не было, там действовал новый отряд, незнакомые люди. Его схватили и подвергли длительным допросам. Когда стало ясно, что расстрела не избежать, он снова бежал. На сей раз попал в партизанскую бригаду Войцеховского. Там его проверили и поверили ему. Скоро он уже командовал новым партизанским отрядом, имени Кастуся Калиновского. С ликованием он встретил вступление наших войск в Гродно, стоя у дороги и приветствуя проезжавших солдат, но один из проезжавших офицеров нагло выхватил у него из рук командирский бинокль и весело укатил дальше. Ошарашенный Леша так и остался стоять с поднятой рукой и застывшей на лице улыбкой.

Его представили к званию Героя Советского Союза, но не дали: вспомнили «кулацкое» происхождение. Он вскоре вступил в Советскую Армию, дошел с ней до Берлина, заслужил ордена Красного знамени и Отечественной войны и был дважды тяжело ранен — под Варшавой и под Берлином. Надо же, чтобы моя мать в госпитале вытаскивала из его груди осколки! Так что когда я привел его домой, они узнали друг друга.

Дружба у нас оказалась семейная, так сказать, домами и на всю жизнь. Когда Алексей Карпюк стал белорусским национальным писателем, одна из серий его рассказов была названа «*Рассказы доктора Аси Моисеевны Клейн*» — это были веселые рассказы мамы о занятных случаях ее медицинской практики. Например, к ней прибежала женщина, мыча и не в силах сказать ни слова. Мама вправила ей вывихнутую челюсть, и пациентка рассказала, что широко зевнула и не смогла закрыть рот. Но справившись с этим, доктор взглянула вниз и заподозрила, что с ногами у женщины что-то более серьезное, но та успокоила ее: «Нет, это я впопыхах перепутала башмаки правый с левым».

Женился Леша на Инге, дочери репрессированного (у нас) Генерального секретаря западнобелорусской компартии Анатолия Адамовича Ольшевского (кстати, мать ее, Цигельницкая, тоже репрессированная, так и осталась, несмотря на всё, твердокаменной коммунисткой). Инга (в паспорте по своеволию паспортиста записано Инна), учительница и завуч, потом была моим другом и мы вместе водили школьников в археологические походы по притокам Немана.

Алексей был безусловно белорусским патриотом и коммунистом, но со слезами на глазах наблюдал за тем, как взрывали один за другим остробашенные польские костелы, создававшие оригинальный зубчатый профиль города. На их месте строили стереотипные советские клубы и административные здания, а то и вовсе ничего. «Теперь что Казань, что Рязань, что Гродно — всё одно, неразличимы», — горевал он.

Впоследствии Карпюк выступил с острой критикой идеологического руководства белорусской литературы, и партийные власти тотчас обвинили ветерана

4. Гродно, Пединститут

в предательстве во время войны и исключили из партии. Началась его длительная травля, о чем я напишу дальше.

Но тогда, в первые послевоенные годы, Леша еще не был известным и гонимым писателем, а был всего лишь студентом. Его избрали секретарем комсомола пединститута, а меня — его заместителем (кажется, это называлась вторым секретарем). Мы вместе заготовили громкое выступление на городской комсомольской конференции о расхождении пропаганды с делами у городского руководства. Комсомольские кадры мы оба были явно не те, что требовались. У Леша уже накопилось много горьких мыслей о нашей действительности, а мой период искреннего увлечения марксизмом уже закончился.

Сначала у меня стали накапливаться вопросы о противоречиях у классиков марксизма, потом аргументация некоторых важных пунктов показалась слабоватой. Почему же советская интеллигенция не класс, а классовая прослойка? Сталин говорит: потому что она набирается из рабочих и крестьян. Но ведь происхождением формируется не класс, а сословие! Класс она, класс! А ее орудие производства — это мысли. Если нет свободы мысли, то значит, у нее отнимается орудие производства. Затем, возьмем наших крестьян-колхозников. Владеют ли они землей как собственностью? Своим приусадебным участком, пожалуй, владеют, а вот колхозная земля им явно не принадлежит. Ибо что такое собственность? Римляне говорили: это *jus usu et abusu* (право употребления и злоупотребления). Моё — что хочу, то и делаю: захотел — продам, а то и сожгу, испорчу. И никто не вправе меня за это наказать, потому что моё. А кто реально распоряжается колхозной землей? Председатель колхоза? Даже и не он, а через него — кто? Райком? Обком? Да нет же! В конечном счете Сталин! Это ему, как фараону, принадлежит всё, и его воля всем управляет. Значит, у нас никакой не социализм. Ведь социализм или коммунизм — это коллективная собственность на средства производства, но для коллективного владения нужен демократически избранный парламент, а не пародия на выборы, где выбирают одного из одного.

Какой же у нас строй? Что такое колхозные трудодни, как не восстановленная барщина? И что такое продналог, как не восстановленный оброк? А ведь колхозники не могут покинуть колхоз, им же не выдаются паспорта! Они прикреплены к земле — у нас крепостное право! Значит, по крайней мере в деревне у нас феодализм! Причем хуже прежнего — я обратился к ленинским трудам, где он ругает царский режим за нищенский надел земли крестьянам — семь десятин. А у нас же колхознику разрешается всего три сотки! И так далее. Разобрался и с положением рабочих, которые не имели права прогуливать (за это суд!) и увольняться — как в крепостных заводах! Разобрался и с зэками в лагерях... Это же рабский труд! Наше государство еще и (частично) рабовладельческое!

Но кто же на месте феодалов и рабовладельцев? Не один же человек, он же кого-то представляет! Тут я обратил внимание на еще одну несообразность с определением классового состава нашего общества. Оглянувшись вокруг, я видел не только рабочих, крестьян и интеллигенцию. Самыми сытыми, самыми богатыми, самыми властными были вовсе не они, а главари партийных организаций, главы административных органов, генералы армии, МВД и КГБ, словом, партийно-государственная бюрократия. Классики марксизма определяют государство как машину для эксплуатации одного класса другим. Но это ведь

Часть первая. Детство и юность

очень своеобразная машина — она состоит из людей. Ее винтики — это и есть все эти секретари и генералы, сгрудившиеся вокруг Генсека. Это класс! Его средства производства — это и есть органы власти.

А партия? Ну, какая же это партия? Партиями (от латинского *partis* — часть) назывались части парламентов и поддерживавшие их группы сторонников. А когда партия осталась одна, то и название стало бессмысленным. Его пытались объяснить по-новому: часть рабочего класса, но это неверно — в ней больше как раз не рабочих, а бюрократов. Партия стала у нас (так же как и у нацистов) организацией типа рыцарского ордена — структурой, мобилизующей сторонников правящей идеологии и распределяющей среди них властные посты и материальные блага.

Гораздо позже я узнал, что все это примерно в те же годы сообразил Джилас, один из главарей югославской компартии, соперник Тито. Это его книга *«Новый класс»*, за которую Тито заточил его в тюрьму. По методам всё это тоже был марксизм, только не догматический! Но тогда я Джиласа, конечно, не читал, а просто размышлял. В моем распоряжении были наглядные факты и марксистский анализ, которым я уже владел: социально-экономические формации, классы, государство как машина — и как класс! Конечно, рассуждал я, некий другой класс может создать и поставить эту машину для своих целей, но как только она возникла, у нее появляются свои собственные интересы, отличные от интересов всех других классов, в том числе и класса, который ее думал использовать. Ее нужно держать в узде, а это часто не удается. Вот у нас как раз тот случай — машина вырвалась из рук. У Ленина все предсмертные статьи полны сетований: «Машина вырывается из рук!»

Я внимательно читал уже и Ленина, и делал массу пометок на полях Полного Собрания Сочинений, которое у отца, конечно же, стояло на почетном месте, хотя никто к нему не притрагивался. Так было положено — как пианино в квартире интеллигента, даже если никто из семьи не играет. Когда отец заинтересовался моими пометками, и углубился в чтение, у него волосы встали дыбом — воображаемые, то есть встали бы, если бы они имелись на его абсолютно лысой голове. Он только утирал с нее пот крупным платком. Все три десятка с лишним томов Ленина в своих коленкорových обложках немедленно отправились в печку. Туда же ушли и мои выписки и тетради с изложением мыслей. Как недавно выяснилось — не все! Отец недосмотрел, и, что гораздо важнее, недосмотрели кагебешники, проводившие впоследствии обыск. Не то искали. А если бы нашли!

Вот такие мы были секретари комсомола.

Но Леша тогда еще стеснялся своего акцента на русском языке, он вообще был скромным и стеснительным человеком, выступать на публике для него тогда было проблемой, а я к публике привык, и решено было, что наше общее выступление зачитаю я.

На конференции присутствовал первый секретарь Горкома партии, кажется его фамилия была Слободин, он и выступил в ответ (впоследствии его сняли за злоупотребления властью и зажим критики). Основной темой его выступления была оценка моей речи как провокационной и вражеской. «Компетентные органы должны разобраться, где он этого духа набрался!» — восклицал секретарь. Он

4. Гродно, Пединститут

потребовал вывести меня из состава бюро и исключить из комсомола. Комсомольцы института были еще новичками в комсомоле, они негодовали, и Леше не стоило труда добиться единогласного отказа исключать меня. Тогда власти пригрозили роспуском комсомольской организации Пединститута. Это была вполне реальная угроза, учитывая что почти все наши комсомольцы были недавними жителями Польши и оккупированной территории. Я понял, что могу втянуть Алексея и всех ребят в крупнейшие неприятности. Значит, наилучший выход — скрыться.

Я бежал в Ленинград, где еще за год до того я поступил заочником в Университет. Для этого я выпросил в Пединституте свои документы (Аттестат зрелости и т. п.) якобы для снятия копий, честно снял копии и их именно вернул в Институт, а с оригиналами отбыл в Ленинград. Теперь задача была добиться перевода на дневное отделение.

часть вторая

В НАУКУ И В КУЛЬТУРНУЮ СТОЛИЦУ

5. Учеба в Ленинграде

Поступление и Пропп

**Из интервью
кембриджскому журналу
«Археолоджикал Дайалогз»
(В. Иммонен), 2003**

В.И. <...> *Вероятно, немногие читатели в англо-американском мире знают, что Вы получили образование филолога под руководством Владимира Проппа. Как эта форма русского формализма повлияла на Вас?*

Л.К. [В 1947 г.] я бежал в Ленинград и поступил в Университет, сначала (еще в 1946 г.) заочником, годом позже (с огромными трудностями) я перевелся в дневные студенты. Профессор Владимир Яковлевич Пропп благодаря его написанной в молодости книге *«Морфология сказки»* был тогда известен как «буржуазный формалист», т. е. как уклонист от единственно верного марксистского способа мышления. Его ужасно критиковали, но поскольку книга была написана более 20 лет назад, он не был арестован и не был вышвырнут из Университета. На деле книга была одним из первых трудов по семиотике и структурализму. [Я тогда не знал, что Пропп был арестован раньше, в 1930 г., якобы как участник подпольной немецкой организации. То, что он петербургский немец, всё же навлекло на него гонения. Он отсидел месяца четыре, на допросах ничего не признал, и его выпустили вместе с несколькими «поделчиками» под подписку о невыезде. Остальных (несколько десятков человек) приговорили к расстрелу и другим тяжким карам. Реабилитирован, однако, Пропп при жизни не был — по небрежности органов. Так и прожил всю жизнь «подозреваемым» и даже «подследственным».]

В.И. *Вы можете поделиться своими личными впечатлениями от него?*

Л.К. Пропп был маленьким старичком, очень скромным и обаятельным. Седой, с красивыми миндалевидными глазами и небольшим орлиным носом, всегда красным от простуды. Его блестящие лекции по русскому фольклору, читавшиеся звучным баритоном, захватывали нас. Еще будучи заочником, я написал курсовую работу *«Медведь в народной сказке, языке и обряде сравнительно с материалами археологии»*. Я упорно работал, делал всё, что было в моих силах, чтобы оказаться на уровне, и получил желанную оценку от моего любимого шефа. Он оценил мою работу так: «отлично, с характеристикой работы как выдающейся». Мою работу он рекомендовал к печати (это так и не было реализовано), а меня — к принятию в число дневных студентов. Небывало высокая оценка, я думаю, была предназначена облегчить мое поступление дневным студентом в Университет, ибо одновременно я получил от Проппа письмо с детальной критикой моей работы.

Мое еврейское происхождение было тогда большим препятствием для поступления в Университет, и это было очевидно для каждого. Пропп посоветовал мне сделать попытки поступить либо на филологический факультет (где он преподавал), либо на

5. Учеба в Ленинграде

исторический факультет (где располагалась кафедра археологии), и он предположил, что мой путь туда будет легче, поскольку исторический факультет был тогда менее антисемитским, чем филологический (позже ситуация сменилась на противоположную). Однако Пропп добавил, что археология очень важна для изучения фольклора, что и показала моя курсовая. Он тогда работал над своей книгой об исторических корнях волшебной сказки. «Я бы и сам занялся археологией, — говорил он, — но мне уже поздно». Эта книга была издана в 1949 г. и вызвала такой идеологический разнос, что Пропп получил тяжелейший инфаркт, от которого, по счастью, оправился.

Отзыв и письмо

В. Я. Пропп
(4 июля 1947)

Рецензия на контрольную работу по фольклору студ. Л. Клейна

Тема «*Медведь в народной сказке, языке и обряде*» избрана студентом Клейн[ом] самостоятельно с разрешения кафедры. Работа представляет собой самостоятельное исследование (ок. 5 печ. листов или больше) и далеко превосходит рамки контрольной работы не только по объему, но и по качеству. По типу она приближается к дипломным. В работе собран большой материал. Тов. Клейн проявил огромную начитанность. Приводится свыше 150 названий трудов, какового количества достаточно было бы для диссертации.

Метод работы в целом правилен. Явление фольклора сводится к исторической действительности. Тов. Клейн проявил незаурядные научные способности.

Недостатки работы (растянутость изложения, приведение материалов, не относящихся непосредственно к теме, тяга к рассуждениям общего характера, и т. д.) объясняются отсутствием школы и навыков к писанию научных работ.

Оценка: отлично, с характеристикой работы, как выдающейся.

Профессор В. Пропп
4.VII.47

Уважаемый тов. Клейн!

[Сопроводительное письмо] Очень жалею, что Ваша работа попала в мои руки в чрезвычайно неблагоприятный момент — конец учебного года, т. е. когда все преподаватели находятся в состоянии крайнего переутомления. К тому же у меня лежат на отзыв диссертации, лежат рукописи авторов, которые надо проредактировать для печати, материалы экспедиций, о которых надо дать заключение и т. д. Вследствие этого я не мог с достаточным вниманием прочесть Вашу работу. Официальный отзыв я даю очень высокий. Я подтверждаю этот отзыв и в личном письме к Вам.

Но вместе с тем Вам нужен не только «отзыв», а оценка, которая поможет Вам в вашей дальнейшей работе. Вам надо научиться технике исследований и технике изложения работ. Основной недостаток, от которого Вам надо избавиться, это — некоторая растянутость и бесплановость изложения. Надо, чтобы части работы вытекали одна из другой в известной последовательности, и чтобы эта последовательность была ясна по главам и частям. Если очень сжать вашу работу, кое-что переставить и поставить в более ясную связь, то это у Вас может получиться.

Второе: надо ближе держаться темы. По поводу медведя Вы говорите о классификации сказок, мотивах и сюжетах, матриархате, патриархате, Дионисе, фаллических культах, древнерусской религии, излагаете сущность тотемизма, и т. д., и т. д. Читатель пробегает эти страницы с некоторым нетерпением. Вы считаете

Часть вторая. В науку и в культурную столицу

необходимым сказать решительно всё, что Вы думаете и знаете, излагать или цитировать всё, что Вам пришлось по вкусу. Я скажу Вам то, что мне сказал ак. И.И. Толстой о моей диссертации в ее первом варианте: нельзя показывать своей кухни. Я зарубил себе эти слова [на носу], свою работу сократил почти наполовину, и сейчас вижу, что сократить можно было еще больше. Надо выражаться конкретно и кратко.

Прекрасно у Вас дано описание медвежьей клятвы. Все рассуждения общего характера надо безжалостно сократить. Рассуждения в научной работе должны иметь характер критически проверенных выводов. Схема работы: постановка вопроса (этого у Вас нет, неясно, что Вы хотите); научное описание материалов с делением на фольклорные и исторические. Выводы.

Трудность Вашей работы заключается в том, что материал чрезвычайно разнообразный, требующий продуманной классификации.

При большей четкости вся глава, где характеризуется волшебная сказка, могла бы получиться очень недурной, если бы Вы в известной системе перечислили всё, что можно сказать о медведе, сгруппировав факты. Например: Медведь — похититель женщины. Медведь как волшебный помощник. Медведь — царь зверей и т. д. Список Ваш очень неполон. (См. Афанасьев 54, — Медведь и падчерица, Афанасьев 95а Медведь и липовая нога и мн. др.). Совершенно нет сказок о животных (о них совсем в другом месте), тогда как есть новеллистические. Т. к. материалы неполные, то и выводы не могут убедить читателя.

Другая трудность: закон заменяемости персонажей вызывает вопрос о том, в каких случаях медведь исконен, в каких — вторичен. Он явно вторичен в мотиве запродажи (Аф. 117а и др.) и Вы очень верно указываете на Водяного как на исконную форму. Но для других случаев этот вопрос не ставится (Медведь-помощник).

Третья трудность: этнографические материалы (медвежий праздник) очень мало имеют общего со сказкой. Это не значит, что связи нет, но ее надо показать не путем рассуждений, а путем сравнительного анализа материалов.

Ваша работа так велика, что нет возможности отозваться на всё содержание ее. Вам нужна школа, чтобы избавиться от дилетантизма, чтобы приобрести строгие методы. Эту школу Вы пройдете в университете, в семинарах и кружках. Советую Вам где-либо доложить небольшую часть вашей работы, чтобы вызвать дискуссию.

Весьма убедительными мне показались ваши материалы, касающиеся Медведки. Это наиболее ценная часть работы, из нее можно сделать небольшую, но строгую работу.

Завтра я насильственно кончаю решительно все дела и спасаюсь бегством в целях сохранения остатков своего здоровья. Поэтому мне не удастся увидеть Вас лично. Я надеюсь, что несколько суровая оценка Вас не демобилизует, а наоборот, окрылит к дальнейшей работе. Вам следует продолжать, и если Вы будете строги к себе, из Вас может выйти толк.

В. Пропп
4. VII. 47.

[Я был еще более строг к себе, чем советовал Пропп, и оценил свою работу суровее, чем он. Я так и не решился отдать ее в печать, и она так и не увидела света. Еще и потому, что продолжать работу над фольклором мне не довелось —

5. Учеба в Ленинграде

я стал археологом. Но я сохранил эти письма Проппа, неоднократно к ним обращался, думал над ними — и работал над собой. Пропп задал направление. Кроме того, я всегда восхищался его работами, особенно «*Морфологией*» и «*Историческими корнями волшебной сказки*».]

**Из интервью
кембриджскому журналу
«Археолоджикал Дайалогз»
(В. Иммонен), 2003**

Л.К. <...> Пропп остался одним из моих образцов для подражания, и его работы оказали на меня огромное влияние.

В.И. Можно Вас попросить развернуть эту мысль более подробно?

Л.К. Идея о том, что нет пути познания содержания иначе, чем через форму, повела к моей «*Типологии*» (которая была коррелятом его «*Морфологии*»). Семиотические и структуралистские идеи можно увидеть в моей приведенной там системе археологических понятий (план содержания, план выражения и т. д.). Его прослеживание мега-сюжета за отдельными сюжетами сказок был прототипом моего поиска генеральной процедуры археологического исследования (некоего алгоритма исследования), как и генерального скелета теории. [Мой структурный подход к «*Илиаде*» отличается от других структуралистских подходов — он ориентирован на исторические корни (как у Проппа), моя структура ведет к стратиграфии. Мой конкретный интерес к фольклору выражается у меня не только в гомеровских штудиях, но и в исследованиях славянской языческой религии (ныне опубликованных в виде «*Воскрешения Перуна*»)].

**Из интервью чикагскому
журналу
«Каррент Антрополоджи»
(Т. Тэйлор), 1993**

Т.Т. Не было ли тут проблем с еврейским происхождением?

Л.К. Были, к этому времени уже были. Пришлось поступать дважды. Были три типа студентов: дневные студенты, получавшие стипендию, вечерние студенты,

[днем работавшие и стипендии не получавшие,] и заочники, жившие в других городах и приезжавшие в зимние каникулы и летом только на короткие инструктажи и сдачу экзаменов. Поначалу я был допущен только в эту третью категорию, но по крайней мере я стал учеником Проппа.

[Точнее, было так: Еще учась в Гродно, я всё-таки сумел добраться до Ленинграда пригородными поездами, со многими пересадками, и поступил на первый курс заочного отделения филологического факультета. А когда пришлось бежать из Гродно, мне уже оставалось только перевестись в Университете с заочного на очное обучение.]

Т.Т. Было ли ясно, что Вы стали заочником из-за еврейского происхождения?

Л.К. Да, это было совершенно ясно. Конечно, принято могло быть только очень мало студентов, потому что по закону каждому студенту по окончании вуза власти обязаны были предоставить работу, так что принять можно было столько студентов, сколько было рабочих мест для них. [Отсюда важное отличие советских вузов от иностранных — высокий конкурс, по много человек на каждое место, и, соответственно, сравнительно высокий уровень подготовки принятых.]

Т.Т. Были ли взятки необходимой частью процесса?

Л.К. Взятничество было более южным делом; в Ленинграде в то время главным был *блат*, личные влияния — вот с чем приходилось считаться. Студенты со связями принимались в результате телефонного звонка от влиятельной персоны — *по звонку*,

Часть вторая. В науку и в культурную столицу

поэтому их называли «позвоночные». Наш декан [Мавродин] однажды сказал, что главная проблема — это не то, как выбрать из нескольких тысяч поступающих 100 человек, для которых есть места, а как втиснуть 200 позвоночных в эти 100 мест.

На следующий год я пробивался снова. Пропп посоветовал мне пробиваться на исторический факультет, потому что филологический был особенно антисемитским. <...>

Но хотя моя курсовая работа получила оценку как выдающаяся, ни один из обоих факультетов меня не принял на дневное отделение и я решил жаловаться. На каждой инстанции отказ мне был подтвержден. Наконец, поскольку ректор университета был в отпуску, я направил жалобу в Москву министру высшего образования, и он тоже написал «отказать» на моем заявлении. <...>

**Из интервью
«Европейскому
археологическому журналу»
(К. Кристиансен), 1991**

Л.К. <...> Тогда существовали [тайные] ограничения для евреев, и принималось только минимальное число. В Советском Союзе, как в Южной Африке, национальность определялась (и определяется) по крови, а не по языку, или культуре, или религии, или самосознанию, так что я рассматривался как еврей.

**Из интервью
кембриджскому журналу
«Археологический Дайалогз»
(В. Иммонен), 2003**

Л.К. <...> Так я решил подготовиться ко второму курсу на оба факультета, чтобы продолжить обучение либо на одном, либо на другом. Однако сдав экзамены за первый курс на одни «отлично» на обоих факультетах, я тем не менее не был принят. Я стучался во все двери длинной лестницы инстанций, дошел до министра образования в Москве, но повсюду на моем заявлении

было написано короткое слово «Отказать». Сентябрь подходил к концу, занятия начались давно, а я оставался снаружи.

Тут вернулся из отпуска ректор Университета, и я сделал последнюю попытку пробиться и пошел к нему на прием. Ректором был тогда проф. Вознесенский, экономист. Он был старшим братом другого экономиста Вознесенского, заместителя Сталина.

В.И. *Это который позже был расстрелян, не так ли?*

Л.К. Расстреляны были оба, но в то время такое родственное отношение делало нашего ректора очень независимым и заносчивым. Я вошел в его кабинет с двумя заявлениями — на любой исход, одно на филологический факультет, другое на исторический. Но от глубокого волнения я вручил ректору оба сразу [подобный случай произошел с немецким послом графом Пурталесом, когда он вручил российскому министру два варианта немецкого объявления войны — на случай любого русского ответа]. Вознесенский взглянул на мои заявления и, увидев отвергающие подписи министра, воскликнул: «Как! В *моем* университете министр распоряжается?!» Он перечеркнул подпись министра и начертил: «Принять. Вознесенский». Другое «Отказать»? Другое «Принять»? Так я был принят на оба факультета, что было тогда невозможно в России. Я был единственным студентом, обучающимся на двух факультетах сразу.

Я сдавал экзамены на обоих факультетах, что было и правда трудно. Постепенно я начал сосредоточиваться на археологии, а на последнем году обучения (их в России пять) я уже учился только на археологии. Так что я имею полное археологическое образование и неполное филологическое. Тем не менее Пропп предложил мне продолжить мое образование у него в аспирантуре, но я отклонил это и решил поступать в аспирантуру по археологии. [Это было нелегко (поступил с четвертого захода)].

5. Учеба в Ленинграде

Воспоминания (2007)

Этногенетика. С юности меня влекли загадки происхождения народов — откуда пошли славяне, как сложились германцы, с какой археологической культурой можно идентифицировать праиндоевропейцев? Возможно, на этих влечениях сказывалась общая атмосфера в стране. Ведь во время войны и в послевоенной обстановке резко изменилась советская идеология. Охотников отдавать жизнь за коммунизм оказалось гораздо меньше, чем уверяли партийные пропагандисты, а сотни тысяч русских людей вступили во власовскую армию. Пришлось сделать ставку на русский национальный патриотизм. Первоначальный декларативный интернационализм, с игнорированием национальных чувств, сменился усиленной разработкой национальной тематики, особенно славяно-русской. Газеты и радио непрерывно муссировали эти темы. Воспитанный в русской культуре, я жадно поглощал литературу об истоках русского народа. Но о них шли споры.

Кроме того, меня интересовало и происхождение других европейских народов. Происхождение финно-угров, кавказцев. Как раз происхождение евреев меня не очень занимало — тут мне казалось всё ясным. А меня влекли именно неразгаданные тайны, проблемы спорные.

Мне казалось, что всё дело в неплодотворной методике. Должен же быть какой-то общий ключик к решению этих проблем. Если всё спорно, значит, ключика еще не нашли. Мне казалось необходимым разработать теорию, способную стать таким ключиком, способную привести к алгоритму решения однотипных проблем. Будучи достаточно самонадеянным, чтобы не сказать нахальным, я взял себе тему курсовой работы у Артамонова *«Теория этногенетики»*. Тогда еще никто об этногенетике не говорил, все говорили только об этногенезе, о теории этногенеза. А я задумал новую науку.

Просидев изрядное количество ночей над этой темой, я подготовил тезисы своего доклада на факультетской студенческой конференции. Чтобы было легче соблюдать четкое деление своей речи во время выступления, я отпечатал каждый тезис на отдельной странице и в большой 70-й аудитории, где можно было составить столы в линию, разложил свои тезисы по порядку, номер за номером, пачками по 6 экземпляров (больше машинка не пробивала), — всё это чтобы собрать рукопись по экземплярам. Но я прервал эту работу, потому что зашедший в аудиторию пожилой кривобокий коротышка с круглой лысой головой стал продвигаться вдоль столов, помавая правой ручкой, и читать моё произведение тезис за тезисом. Прочитав последний тезис, он упёрся в меня и, глядя на меня снизу вверх, спросил:

— Клейн — это вы?

Я подтвердил. Он, взяв меня за пуговицу, сказал:

— Верно ли то, что вы написали, не могу сказать. Но в чем я уверен, это в том, что умрете вы не от болезни.

И, загребая ручкой и прихрамывая, протопал из аудитории. Это был декан Владимир Васильевич Мавродин, автор великолепной книги *«Образование древнерусского государства»*, где было много о происхождении восточных славян. Сам он писал всегда только то, что нужно, в русле правящей идеологии, тем не менее кара постигла его раньше, чем меня. Он угодил вскоре в «ленинградское

дело», был снят с работы и выслан из Ленинграда, но расстрелы его миновали, и после нескольких лет небытия он снова вернулся в кресло декана.

Был он добродушным и улыбочивым, очень либеральным, но, учитывая общие условия и свой личный опыт, предельно осторожным.

А для меня эта сумасбродная студенческая работа, к сожалению, не сохранившаяся, стала первым приступом к работам по этногенезу и первым опытом теоретического исследования.

Катакомбная типология. Поскольку я очень интересовался этногенезом (происхождением народов), то я всерьез занялся не только археологией, но и физической антропологией. Вместе с несколькими другими студентами-археологами с разных курсов (Грач, Гохман и др.) я стал посещать лекции и семинары по антропологии, которые давали нам проф. Владимир Вульфвич Гинзбург (зав. сектором антропологии в Институте этнографии) и доцент Всеволод Петрович Якимов (впоследствии возглавивший Антропологический музей Московского университета). Умение обращаться с костями, определять их, было необходимо мне для работы в поле вообще, тем более, что я в это же время занимался в семинаре профессора Артамонова катакомбной культурой бронзового века, чрезвычайно увлекся ею и собирался ездить ее копать (впоследствии я действительно раскопал и зачертил множество катакомбных могил). Культурой этой я увлекся еще слушая спецкурс Артамонова по катакомбной культуре (конспект этого курса у меня сохранился).

Катакомбами российские археологи называют отведенные от входных ям подкопом под стенку боковые камеры, разумеется, в материковой земле, потому что в насыпи такие камеры не могли удержаться — быстро обрушились бы. Это была очень яркая культура. Она выделялась среди других культур степного бронзового века («культур скорченных и окрашенных костяков») не только катакомбными могилами, но и богато орнаментированной керамикой, изящными полированными каменными боевыми топорами и четырехвыпуклинными булавами, а также керамическими курильницами с отделениями (как бы карманами) внутри. Культура эта была известна почти исключительно по погребениям, а погребения эти были не кремированы. Скорченные и посыпанные красной краской костяки лежали в каждой катакомбе, нередко по несколько, и их всякий раз нужно же определить — пол, возраст, расовую принадлежность. Антропология, рассуждал я, мне очень пригодится.

Но она пригодилась мне и до полевого знакомства с катакомбами. Меня поразило, что методы физической антропологии выглядели более продвинутыми, чем методы археологии. Антропологи измеряли черепа, для этого существовали у них специальные линейки с движками, штангенциркули и прочее, была разработана и специальная математическая методика обработки результатов измерений, обобщения, сравнения, классификации и типологии. Мы корпели в заваленной черепами комнате в башне Кунсткамеры на Неве (там помещался Институт) и учились всей этой премудрости — измеряли, сопоставляли, высчитывали, чертили графики. Один из нас — Ильюша Гохман — так вошел в это всё, что сменил специальность и стал виднейшим советским антропологом. Я же думал о том, как усовершенствовать археологию, используя всё, что я тут узнал.

5. Учеба в Ленинграде

Я взял у Артамонова тему курсовой работы «Керамика Донецкой катакомбной культуры» и решил применить к ней антропологическую методику измерений и разбивки по типам. Реальных горшков в моем распоряжении не было — они в основном хранились в Москве. Пользоваться я мог только фотоснимками «кубков», опубликованными в работах открывателя этой культуры В. А. Городцова, и его описаниями. Пришлось измерять пропорции сосудов по этим фото. Для характеристики сосудов я ввел индексы, подобные антропологическим (отношение высоты сосуда к ширине, высоты шейки к высоте всего сосуда и т. д.). А затем расположил сосуды в соответствии с изменчивостью этих индексов и (тут я использовал знание типологического метода Монтелиуса) постарался проследить, изменяются ли другие параметры (техника лепки, орнамент) в соответствии с этой градацией форм. Я пришел к выводу, что изменяются и что, следовательно, это можно принять за линию развития керамики на Донце.

Трудился я целый год, изготовил десятки красивых таблиц с многочисленными цифрами, графиками, схемами, сводную таблицу — с типами керамики, иллюстрирующими ее развитие. Текст был написан от руки и представлял собой толстенькую рукопись. Конечно, в работе были существенные недостатки: выборка была очень мала — три десятка сосудов; измерения были проведены по фотоснимкам, нужно еще было их проверить по реальным сосудам в Москве; развитие нужно было проследить не только по параметрам самой керамики, но и по комплексам, в которых сосуды оказались. Без этого выводы останутся бездоказательными. Всё это так. Но я видел, что моя работа произвела очень хорошее впечатление на шефа и всех членов семинара.

Оглядываясь назад, я вижу, что для того времени (1949 г.) это была очень прогрессивная работа. Ведь внедрение математики в археологию только-только начиналось в мире и СССР. Правда, Ефименко и Бонч-Осмоловский уже применяли математику в 20-х годах, Арциховский — в 30-х, а Грязнов — в начале 40-х, в Америке в то же время Стронг и Джеймс Форд, но я опирался не столько на них, сколько на антропологию, кроме того, это были изолированные примеры, и они не составляли оформленного течения. Оно началось с работ Борда (с 1950), Сполдинга (с 1953) и Гардена (публ. с 1956). Для меня же лично эта моя курсовая работа была началом того пути, который поставил передо мной типологические проблемы и привел меня через три — четыре десятилетия к публикации моей «Археологической типологии». Эта же работа была началом моих многолетних занятий катакомбной культурой, интерес к которой реализовался в кандидатской диссертации и проходит вспышками через всю мою жизнь.

Доклад о марризме

Из интервью
кембриджскому журналу
«Археолоджикал Дайалогз»
(В. Иммонен), 2003

В.И. *Есть и другие крупные теоретики археологии, например, Густав Косинна, Гордон Чайлд, Майкл Шэнкс, которые вышли из филологии. Каким было влияние филологических корней на Ваше теоретическое мышление в археологии?*

Л.К. Ваш список может быть дополнен: первый глава советской археологии профессор Николай Я. Марр также имел филологическое образование. Как Вы могли видеть,

Часть вторая. В науку и в культурную столицу

в отличие от всех названных ученых, я получил лишь частично филологическое образование, и у меня есть полное археологическое образование. Но, подобно Косинне, Чайлду и Марру, я с самого начала очень интересовался проблемой происхождения языковых семей, особенно индоевропейцев и некоторых их ветвей. Отсюда интерес к миграциям и этногенезу. Отсюда и мой интерес к личностям Косинны, Чайлда и Марра (у меня есть специальные работы по каждому из них). [Ну, а что еще может быть сказано о влиянии этих корней на мое теоретическое мышление? Проследим некоторые факторы с самого начала.]

Марр был лингвистом и построил свою революционную концепцию сначала в лингвистике. Эта концепция разрушила праязыки всех индоевропейских языковых семей и рисовала развитие речи в противоположном направлении — от великого множества языков к нескольким языкам всё большего охвата (и в будущем к одному языку всей земли). Изобретенные им методы были чрезвычайно просты и расплывчаты. Этими методами можно было доказать всё, что угодно. В революцию он был сделан и главой советской археологии, и археологи должны были подтверждать сумасшедшие идеи Марра археологическими материалами. В мои студенческие годы марровская теория считалась «железным инвентарем марксизма» [(это выражение М. Н. Покровского)].

Я был тогда некоторое время воодушевлен ею и на четвертом курсе Университета избрал это учение для своей курсовой работы. Я был допущен в марровский архив, работал там и пришел к заключению, что его учение не держится ни в лингвистике, ни в археологии, оно не соответствует ни марксизму, ни фактам, и что на деле он просто сошел с ума. <...>

Из интервью чикагскому журналу «Каррент Антрополоджи» (Т. Тэйлор), 1993

Л.К. <...> С развитием моих студенческих штудий я особенно заинтересовался этногенезом.

Т.Т. *Это словечко, имеющее специфически восточноевропейский привкус. Видимо, советская наука имела идею о конкретном существовании народа: этногенез вел к этносу как фиксированной вещи. Думаете ли Вы, что это хороший путь — так концептуализировать человеческое общество?*

Л.К. Это следствие нашей многонациональной империи, где каждый народ имел собственную республику, свою идентичность, свою судьбу, свое наследие, свой язык, так что каждый народ рассматривался как нечто цельное. Но до войны нам не разрешалось рассматривать народ таким же образом в истории, потому что история, соответственно учению Марра, имела интернациональный колорит. Этничность была неважна, всякий народ рассматривался как смесь, так что его происхождение было также спутанным и смешанным. Но [чем дальше, тем больше] народы нужно было проследить специально и порознь.

Т.Т. *Я всегда чувствовал, что в учении Марра есть некая степень национализма, несмотря на его показной отказ от этничности — она в том, что всё должно было происходить на том же месте [т. е. каждому народу приписывалось развитие на одном и том же месте]. Ваш учитель в археологии М. И. Артамонов доказывал на этой основе, что хазары развились локально, в Нижнем Поволжье, и не было тюркских иммигрантов.*

Л.К. Нет, его взгляды были более сложными. Но в учении Марра лозунгом был автохтонизм — никаких иммиграций, никакой обособленности. Это звучит очень революционно и в соответствии с интернационализмом. В то время, когда это

5. Учеба в Ленинграде

формулировалось, в двадцатых и тридцатых, Коминтерн еще существовал и действовал. Я очень тщательно изучал четыре тома сочинений Марра. Начал я с убежденности, что Марр был гением, но (возможно, по своей натуре) я скептик, и должен добраться до самой глубины вещей. У Марра я не нашел обоснований и, в частности, никакой основы для методики. Я посещал лекции последователей Марра — академика Мещанинова и профессора С. Д. Кацнельсона на филфаке. Однажды я подошел к Мещанинову и сказал: «Иван Иванович, я прочел все четыре тома Марра и понял едва ли половину, всё остальное не понять». Он ответил: «Ох, юноша, Вы очень счастливый человек. Меня он учил лично, а я понимаю едва ли четверть!»

Тогда я заинтересовался тем, как у Марра формировались его идеи. Архив его хранился в Институте археологии. Он был президентом Академии истории материальной культуры и одновременно директором Института языка и мышления. В конце жизни он был очень крупной персоной, членом Центрального Исполнительного комитета, что впоследствии превратилось в Верховный Совет. Он был одним из немногих известных ученых, принявших революцию, и с помпой выступил в государственных мероприятиях. Было известно, что свои последние годы Марр провел в психическом расстройстве, но мне стало ясно, что он сошел с ума много раньше. С детства он был очень нервным, а после революции его постигло три больших психологических удара. Первым ударом была утрата материалов и отчетов его археологических раскопок древней армянской столицы Ани — вагон с ними, [отправленный с Кавказа в Петербург,] погиб.

Т.Т. В 1918?

Л.К. Да, и вскоре умер его сын, которого он прочил себе в духовные наследники. Наконец, его покинули многие коллеги, когда он принял советский режим. Так что он оказался интеллектуально и эмоционально в изоляции, и в то же время он получил очень большую власть. Эти обстоятельства могут объяснить, почему работы его позднейших лет представляют собой сплошной бред — они были написаны уже сумасшедшим. Даже заглавия его статей безумны, например, «*Бабушкины сказки о Свиные Красное Солнышко, или яфетические зори на украинском хуторе*» — ну, бред! Даже грамматика нарушена! Отец Марра был шотландцем, а мать — грузинкой, он так никогда и не овладел до совершенства русским языком, а каждую идею, приходившую ему в голову, он тотчас записывал, даже сидя на своей конной коляске. [Говорят, кучером была бывшая баронесса.] Прибыв на место, он просто бросал свои бумажки с нацарапанными каракулями, хорошо зная, что они тотчас будут заботливо и угодливо подхвачены и отправлены в печать как «труды гения». Так, в 1923 г. он изобрел яфетическую теорию.

На четвертом курсе я написал критическую работу о Марре, обнаружив, что учение его противоречит не только марксизму, но и фактам. Я отдал эту работу на просмотр своему научному руководителю профессору М. И. Артамонову. Он был тогда проректором Университета, и Сталин назначил его директором Эрмитажа. Я пришел к нему домой, и его супруга [Ольга Антоновна] угощала меня блинами с икрой (была как раз Масленица). С утра до вечера он вникал в мою работу, пытаясь опровергнуть мои доводы. Он был очень смелым человеком и в конце сказал: «Ваша работа находится в полнейшем противоречии с основами советской науки, но она *очень* интересна. Мне думается, что-то в нашей науке перекосилось, что-то не так. Я бы предложил Вашу работу для обсуждения на специальной конференции в ИИМКе [в Академии наук]. Но должен предупредить Вас, что это будет для Вас очень опасно». [Я сказал: «Михаил Илларионович, ведь, выдвигая мою работу на публичное обсуждение, Вы

Часть вторая. В науку и в культурную столицу

тоже рискуете?» Он ответил: «Я рискую своим постом, а Вы рискуете головой». [Тем не менее я выразил свою готовность.] Он оговорил: надо, чтобы имя Марра нигде не появлялось в тексте доклада: марризм тогда считался частью марксизма.

Обсуждение состоялось 3 марта 1950 г., и мне помнится, что, бреясь, я сильно порезался в то утро, и мои однокурсницы, девочки из нашей студенческой группы, покрыли моё лицо таким густым слоем пудры, что я выглядел как Пьеро. Моими оппонентами были Борис Борисович Пиотровский (профессор, тогда еще не академик, позже директор Эрмитажа), декан нашего факультета [Владимир Васильевич] Мавродин и [Алексей Павлович] Окладников [(тоже профессор, но еще тогда не академик)]. [Проф. А. Н. Бернштам тоже был и выступал. После выступления прислал мне записку (она сохранилась): «Тов. “скандалисту” — мне можно уйти, или в качестве “пожарной команды” я еще должен присутствовать? А.Н. Бернштам».] Профессор Соломон Давыдович Кацнельсон должен был тоже участвовать в заседании, но отказался. Он объяснил мне: «Единственное, что я могу для Вас сделать, это не придти. Если бы я пришел, я был бы обязан сокрушить Вас».

Для студента было чрезвычайным успехом выступить против такого состава оппонентов. Когда я прочел свой доклад, каждый оппонент выступал двусмысленно, говоря, что всё это, пожалуй, необычно, но что-то, однако, в этом есть, и так далее. Со стороны Артамонова это было как выпустить пробный шар — студентам же естественно делать ошибки, а отношение к моей работе могло бы показать, можно ли уже избавиться от марризма.

**Из книги
«Перевернутый мир»
(1988–91, 1994)**

В конце заседания ко мне подошел согбенный ученый, [это был Александр Николаевич Карасев, античник], пожал мне руку и произнес: «Поздравляю вас, молодой человек, блестящий доклад. Этим докладом вы себе

отрезали путь в аспирантуру. Еще раз поздравляю».

А вскоре пошли «сигналы» во все инстанции. Многие перестали со мной здороваться, при встрече переходили на другую сторону улицы. Потом ко мне подошел Коля С[ергеев], наш комсомольский секретарь, и показал на потолок: «Оттуда велели созвать собрание, будем исключать тебя из комсомола. Ну, конечно, вылетит и из Университета. По старой дружбе решил тебя предупредить. Может, заранее выступишь с признанием своих ошибок, покаешься? Правда, исключим все равно, но легче будет восстановиться...» Я примирительно заметил: «А я, тоже по старой дружбе, хочу предупредить тебя и тех, кто спустил тебе установку: отсылаю все материалы в ЦК. А уж как ЦК решит — кто знает...» Исключение отложили.

**Из интервью чикагскому
журналу
«Каррент Антрополоджи»
(Т. Тэйлор), 1993**

Т.Т. *Что побудило Вас отсылать это в Центральный Комитет? Это предложил Артамонов?*

Л.К. Нет, нет, нет. Просто у меня не было другого выхода. Если бы меня исключили из Университета, то была большая вероятность, что я вообще *исчезну*. В конце

концов [7 июня] я послал текст прямоком в «Правду», газету Центрального Комитета, потому что к этому времени в ней началась знаменитая дискуссия по вопросам языкознания, и они запросили взгляды лингвистов по всему Союзу об учении Марра. Из Ленинграда они получили 70 статей. Все отклики были полностью в согласии с Марром, за исключением двух статей — моей и профессора А. И. Попова из Ленинградского университета. Летом, приехав в Москву, я пришел в редакцию «Правды», и редактор отдела сказал: «Все статьи были показаны товарищу Сталину, и он одобрил